

ПАВЕЛ ГУШИНЕЦ

ПОРА В ОТПУСК

Павел Гушинец

Пора в отпуск

«Четыре четверти»

2020

Гушинец П. В.

Пора в отпуск / П. В. Гушинец — «Четыре четверти», 2020

ISBN 978-985-581-353-9

Павел Гушинец признаётся: думал, что третьей книгой завершит серию. Но историй так много, и читатели требуют продолжения. Писатель ведь должен прислушиваться к запросам почитателей своего творчества, вот он и подготовил новую книгу. В ней вам встретятся уже знакомые герои: врачи и пациенты, люди военные и гражданские. Вы узнаете, почему автор решил стать детским писателем, а также как почувствовать себя Хемингуэем на Кубе, чем закончились «Истории ночного ресторана», к чему приводят вредные привычки. Рассказы в большинстве своём юмористические, однако всё же заставляют задуматься.

ISBN 978-985-581-353-9

© Гушинец П. В., 2020
© Четыре четверти, 2020

Содержание

Несколько простых историй	6
Игрушки и вещи	6
Книжные истории	9
Коммунальные вопросы (Истории общежития)	11
Лечение синдрома вахтёра	13
Меломан Виталик	16
Нам тут такие не нужны	18
Новогодние истории	21
О любви к бабушкам	22
О музыкальных вкусах	24
Основы экономической теории	27
Перезагрузка	30
Полиглот	32
Стоматологические ужасы	33
Школьный боевик	36
Синие цветы	38
Юность в подъезде, или Когда-то я был гопником	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Павел Гушинец

Пора в отпуск

Сборник рассказов

© Гушинец П., 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

Автор выражает благодарность за помощь в создании книги: Юлии Владимировне Линецкой за критику, моральную и продовольственную поддержку, Софье Павловне Гушинец за веру в талант и свежие идеи, Татьяне Павловне Куксёнок за терпение, художнику Наде Буке и её супругу Геннадию Буке; моим консультантам: врачу-наркологу Марине Хайсовой, врачу-паразитологу Екатерине Бондарь, врачу-эпидемиологу Дмитрию Бондарю, врачу-терапевту Марине Царенок, врачу-эпидемиологу Александру Ковицуну, врачу-нейрохирургу Валерию Василёнку, врачу-эндокринологу Ольге Анатольевне Бартошевич, врачу-рентгенологу, майору м/с Александру Кротову, врачу-эпидемиологу, майору м/с Сергею Пилищевичу, подполковнику Вадиму Лобанову, врачу-педиатру Юлии Руденко, сотруднику фармацевтической компании Елене Блохиной; сотрудникам краудфандинговой платформы «Ulej» Валерии Урбанович, АLINE Лисакович, модераторам и администраторам сайта Pikavi, а также всем читателям и подписчикам, читателям группы ВК «Автор Доктор Лобанов», сотрудникам издательства «Четыре четверти».

Несколько простых историй

Игрушки и вещи

Мне было лет шесть, и я завидовал своему дворовому приятелю Вовке чёрной завистью. Потому что у него был пистолет. Почти настоящий, чёрный, металлический, с белой пластиковой рукояткой. Сбоку у пистолета был рычажок с зазубринками. Нажимаешь рычажок – пистолет распадается на две части, и тогда в него можно вставить длинную ленту пистонов. И стрелять громко и весело, пугая старушек возле подъезда. А потом всё вокруг волшебным образом пахло этими пистонами.

Вовка пистолетом очень гордился, берёг и никому в руки не давал. Даже я, его лучший друг (в последние три дня), лишь однажды удостоился чести нажать на зазубринки рычажка и вдохнуть волшебную смесь из запахов нагретого солнцем металла и стреляных пистонов. Уже через секунду Вовка с недовольным лицом забрал у меня оружие.

– Ну, давай сюда. Поцарапаешь ещё!

Стоит ли говорить, что пистолет стал моей недостижимой мечтой. От мыслей о нем я ворочался и долго не мог заснуть, а когда всё-таки засыпал, то он снился мне в кошмарах.

Я бесконечно ходил следом за мамой и бабушкой: «Купите мне пистолет!» И они готовы были достать его где угодно. Но, увы, на дворе стояла середина восьмидесятых и в «Детском мире» из оружия были только жёлтые пластиковые пистолетики с присосками. Мне предлагали эту жуть. Но пользоваться жалкой детсадовской игрушкой недостойно настоящего разведчика-партизана. Мне нужен был чёрный, металлический, почти настоящий. С пистонами.

Так и мучился дней пять.

Но тут нагрелся июль, и однажды вечером бабушка принесла домой кеды.

– Вот, выбросили в магазине возле работы, – вздохнула она. – Очередь была как в мавзолей. Хвост до самой остановки. Чуть не дрались из-за этих кед. Мне и не хватило уже, но Михайловна внуку две пары взяла, а ему тесные. Павлику как раз подойдут. Его размер.

Я померил. Подошли. Мать с бабушкой вокруг охают, а мне-то что? Кеды и кеды. Обувь. Мне в шесть лет вообще было до лампочки, что носить. Хоть лапти, хоть босиком – так даже прикольнее. Нет, у меня были любимые резиновые сапоги. Зелёные как у настоящего солдата. Но до их сезона ещё два месяца. Летом в сапогах жарко. Все этой взрослой чехарды с одеждой и обувью я вообще не понимал.

К примеру:

Выбираюсь в полдень во двор, в спешке затолкав в себя тарелку супа с бутербродом. С замиранием сердца прячу в кармане предательски брэнчащий коробок спичек. Под дверью нетерпеливо завывают и приплясывают Димка с Мишкой. Уже переступаю порог и...

– Павлик, куда на улицу в нестираной майке?!

Майка как майка. Ну залез я в ней вчера в лужу, ну слетела цепь велика, и я поправлял её, а потом руки об эту треклятую майку вытер. С кем не бывает?

– Переодевайся немедленно!

Зачем переодеваться, если через десять минут цепь на велике опять слетит? А на дворе жаркий летний день, и приятели уже исстрадались в ожидании коробка спичек. Меня тащат, переодевают, находят спички, наказывают. Стою в углу как дурак, а Мишка почём зря свистит со двора. Поздно, Миша, поздно. Повязали меня. Мы этот розовый девчачий домик в соседнем дворе завтра спалим. Плёнки со стройки стырим, сделаем дымовуху с огненными шипящими каплями и спалим.

Или вот ещё. Учительница написала в дневнике: «Приходит в школу в испачканной и порванной форме». А форма вовсе не испачканная! Это мы с Вовкой шли в школу с утра. А рядом с домом лесок. В леске – моя любимая сосна, на которую так легко и удобно залазить. Я и не отказал себе в удовольствии перед тяжёлым учебным днём на пять минуточек забраться на это волшебное дерево. С него ведь половину обитаемой Вселенной видно. Но спрыгнул неудачно. Зацепился штаниной за колючую ветку. И это не грязь! Это смола! На елках и соснах бывает смола! Вы что, Мариванна, не знаете?

А мать чего-то расстраивается. Вечно с этими взрослыми ничего не понятно.

Или вот. Стукнуло мне весной шесть лет. Серьёзная дата? Серьёзнее некуда. Переломный момент в жизни каждого советского гражданина. Оставляешь за спиной детсадовское пюре с котлетами, надеваешь синюю форму, за спину – ранец, в зубы – букет, на грудь – октябратский значок с юным кудрявым Ильичом. И пошёл в школу. И каждому понятно, что отныне ты не тля детсадовская, я Ученик с большой буквы. И случается это в шесть лет. Или в семь, как с Мишкой, но Мишка тормоз.

На шесть лет принято дарить серьёзные вещи. Не какие-то там погремушки-пирамидки. А набор солдатиков, как минимум. Или лучше хоккей настольный. А тётя моя родная, что притащила? Свитер. Нет, вы слышали? Свитер. Глупейшую вещь с какими-то листочками на груди. Разве такое дарят на день рождения в шесть лет? Чем она вообще думала? И это родной человек такую свинью подложил. Мать сестрицы моей, сестра моей матери. А мама с бабушкой смотрят на меня в этом дурацком свитере и умиляются.

– Какой ты, Павлик, в этом свитере взрослый.

Приходится улыбаться и кивать. В окно бы этот свитер выбросил. А он ещё и кусачий.

А теперь эти кеды на мою голову. Ну кеды и кеды, чего охать?

Я кеды надел и на улицу гулять пошёл. Не дома же сидеть? До мультиков по первому каналу ещё два часа. Я и пошёл. Может, кто из соседских мальчишек тоже выйдет. Можно будет в догонялки поиграть. Или в подвал слазить. Там сантехники что-то варили вчера. Воняет карбидом. Интересно же.

А тут Вовка. Сидит грустный, в песке ковыряется.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Я сандалии порвал, – хлюпает носом лучший друг.

– Ну и что?

– Третью за лето. Мать сказала – убьёт. А я на горку лез и зацепился.

– В соседнем дворе, из которой гвозди торчат?

– Она самая.

И показывает мне сандаля. Не сильно-то и порвал. Если ремешок проволокой прикрутить, то почти незаметно. Только снимать неудобно – каждый раз придётся проволоку раскручивать. А Вовка совсем скис. Видно, мать его очень разозлилась. Матери они такие. Был бы у Вовки отец – защитил бы. Вон у Мишки батя, как выпьет пива, так хоть диван поджигай. Мать слова не скажет. Батя стукнет кулаком по столу: «Молчи, женщина!», она и молчит. Повезло Мишке. А мы с Вовкой – безотцовщина. А у меня ещё и осложнение в виде бабушки.

И тут в мою светлую русскую голову пришла поистине еврейская мысль.

– А давай меняться.

– У меня всё есть, – с мрачным упорством сказал Вовка.

– Да ты послушай! Мне сегодня кеды новые купили. Хорошие такие, только надел. Я тебе – кеды, а ты мне – пистолет. Ну и сандалии, чтоб босиком не бегать.

Вовка подозрительно посмотрел на меня. В глубине души он понимал, что здесь какой-то подвох, а у меня внутри всё колотилось. Идея казалась гениальной. Ненужные кеды на вождь-ленный пистолет.

Вовка посмотрел на кеды, на пистолет, на свои сандалии. Какая-то мысль начинала созревать под его выгоревшим ёжиком волос. Пистолет ему, в принципе, уже надоел. А угроза получить от матери ремня за порванные сандалии была вполне ощутимой. Пистолет отдавать было жалко. Но собственная попа дороже.

Вовка согласился.

Целый день я носился по двору, забыв про мультики. Я был доволен жизнью. Скажу больше, я был абсолютно счастлив. Никакая годовая премия не вернёт мне это счастье. Бегал в рваных вовкиных сандалиях, которые слетали с ноги и хлопали при каждом шаге, зато с ПИСТОЛЕТОМ!!! Он был как настоящий! Такой тяжёлый, металлический, с рычажком и зазубринками, белой пластиковой рукояткой, которая была похожа на слоновую кость. Честно-честно. И он пах металлом, прогретым на солнце, и пистонами.

А вечером мы пошли домой. И я тут же грандиозно получил по шее. Мне долго и обстоятельно объясняли, что есть Игрушки, а есть Вещи. Что игрушки можно менять, ломать, открывать им головы и делать дымовухи. А Вещи – это Вещи!

Меня отправили к Вовке менять всё обратно. Я шёл грустный, ноги заплетались. Было стыдно и страшно, горели накрученные беспощадными женщинами уши. Я тащился и клялся убежать завтра же из дома. Уехать куда-нибудь на Север и стать настоящим героем. Пусть ищут, хоть с милицией. Надо только собрать пятнадцать копеек на билеты и узнать, какой автобус идёт на Север.

Дорога от моей квартиры до соседнего подъезда, где жил Вовка, наверное, заняла у меня не меньше часа. И где-то посередине этой дороги позора я встретил Вовку. С зарёванным лицом и горящими ушами. Они у него и так немаленькие были, а тут распухли и стали похожи на алые паруса. Наверное, мать ему тоже объясняла про игрушки и вещи.

Я молча протянул другу пистолет. Он присел и развязал шнурки на кедах. Также молча мы разошлись.

Из дома я не сбежал. Бабушка на следующий день испекла свой фирменный пирог, и я как-то простил ей вечернюю экзекуцию. Пистолет Вовка забросил подальше. Видимо, смотреть на него не мог. Напоминал ему о больших неприятностях. И я тоже как-то остыл к оружию. Солдатики как-то надёжнее. Вон, у Мишки их штук десять. Зелёные пограничники, красные кавалеристы. Даже чёрный первобытный человек есть, только Мишка ему дубину отгрыз, когда маленький был. А у меня где-то мяч валяется. Почти целый. Только стёрся слегка, и подкачать не мешало бы. У Валерки из соседнего дома и насос есть. Если ему конфету вынести, даст попользоваться. Надо Мишке предложить, а то ходит, как дурак, без мяча.

Это я к чему всё сейчас рассказываю. Купил дочке на днях Фербика, стоимостью, как полдесятка пар кед. А это роботизированное чудище, которое требует питаться, развлекаться и размножаться, на планшете, за пару вечеров ей надоело. Не нужно кому? Отдам недорого. За пару хороших мужских кроссовок 45-го размера.

Книжные истории

Принято считать, что студент должен быть бедным, голодным и не выспавшимся. И если с последними двумя пунктами я готов был мириться, то с первым был категорически не согласен. Поэтому работал с первого курса. Зарабатывал иногда столько, что потом во времена нищей интернатуры, с тоской вспоминал свои студенческие зарплаты. Зато трудовая книжка украсилась целой коллекцией забавных записей: «санитарка палатная РАО, разнорабочий СМУ, бармен-официант, сторож».

Студенческие годы вспоминаются сквозь зыбкую дымку хронического недосыпания, зато деньги были всегда, и родителей я по этому вопросу не дёргал. Ну, почти.

На шестом курсе медуниверситета мне сказочно повезло. Я нашёл себе синекуру. Устроился грузчиком-продавцом на ночную книжную ярмарку. По правде говоря, синекурой эту работу считал только я. Потому что только такой сумасшедший читатель, как я, согласился всю ночь сидеть над книжными развалами и читать запоем, прерываясь только на то, чтоб продать книгу очередному покупателю.

Рабочая ночь начиналась в 20.00, когда я приезжал с владельцем «стола» Женей на склад – отгороженный участок подвала в жилом доме. Через подвальное окошко мы загружали скрипящую старенькую «газельку» картонными ящиками из-под бананов. В ящиках плотно лежали книги. Через час мы добирались до ярмарки, которая располагалась в помещении огромного спорткомплекса «Динамо», раскладывали книги по столам. Отдельно для каждого продавца и по стилям. Для пожилой дамы Натальи Андреевны – яркая россыпь Донцовой-Марининой, для бывшей учительницы Маргариты Николаевны – детская литература. Женя садился на исторические военные энциклопедии. Он был настоящим спецом по Третьему Рейху, мог часами про это говорить. Я занимал стол фэнтези и околоромантичных сумасшедших типа Эриха фон Деникена. С тех пор я большой специалист по рептилоидам.

В полночь двери ярмарки открывались и торговля начиналась. Утром мы собирали нераспроданные остатки и везли обратно на склад. Женя тут же расплачивался. Цен я уже не помню, пусть будет загрузка-разгрузка – 200 рублей, ночная продажа – 300. Итого – 500 на руки, что при стипендии в 800 вообще отлично. Короче, читаешь всю ночь дорогие книги, которые в студенческой жизни ни за что бы себе не позволил, а тебе потом ещё за это и платят.

Проблема возникла тогда, когда её не ждали. Женя себя не жалел, горбатился за троих, в результате нажил межпозвоночную грыжу, его скрючило в три погибели и врачи категорически запретили таскать тяжести. Понадобился второй человек для погрузки-разгрузки.

– Найдёшь? – с надеждой спросил меня работодатель.

– Да не вопрос, – самоуверенно хмыкнул я. – На потоке пятнадцать парней. Всем деньги нужны позарез. А тут за полчаса не слишком пыльной работы оплата сразу.

И в следующую пятницу начал опрос однокурсников. Подошёл к здоровенному плечистому Руслану, который ещё вчера ныл, что не хватает на пиво на выходные.

– Есть подработка. На пиво хватит и на закуску.

– Что надо делать? – оживился Руслан.

Объяснил.

– Ну-у, – с сомнением покачал головой однокурсник. – Это ж ящики таскать надо. Не, не подходит.

Ладно. Иду к шкафообразному Витьке.

– Витька, есть работа.

Тот сразу в отказ. Хотя постоянно по рублю до стипендии сшибает. Коля, Сашка, Никита. Те же истории. Кто-то именно завтра не может, кто-то считает, что за полчаса работы две сотни

мало, кому-то лень тащиться через весь город на ярмарку. Мне приходилось уговаривать. Все отворачивались. Причём ещё вчера эти люди жаловались на отсутствие денег.

Отозвался Димка, мой одноклассник. Загрузили-разгрузили, деньги на руки. Все довольны. Следующая неделя – всё отлично. Вроде наладилось. Димка рассказал другим парням, что работа неплохая, платят сразу. Руслан с Никитой снова жаловались на отсутствие денег, жалели, что сразу не согласились на моё предложение.

Но однажды Димка засобирается домой, к родителям на выходные. И напарника снова пришлось искать. Та же песня от Руслана, Никиты, Коли. Они бы взяли, но именно сегодня не могут. Им надо эпидемиологию подучить, пива попить, футбол по телевизору посмотреть.

Сашка согласился. Пришёл вечером на склад, помог загрузить, уехал в общагу. Ночь мы с Женей торговали, утром начали собираться. А Сашки нет. Звоню ему – не поднимает. Укладываем книги в ящики. Звоню опять – сбрасывает. Может, в трамвае едет? Соседние столы уже сложились, уезжают. Мы сидим. Звоню Сашке – «абонент недоступен». С матюками загружаю газельку сам. Бегаю как угорелый, язык на плече. Получаю от Жени зарплату и в гневе еду в общежитие.

Залетаю в комнату к Сашке. Тот валяется на диване, одним глазом посматривает в телевизор.

– Ты почему утром не приехал?

– Подумал, ну его нафиг, что-то тяжеловатая работа за такие деньги, – невозмутимо отвечает Сашка.

– Так мог бы заранее предупредить. Мы тебя ждали.

– Да чего-то не подумал.

– Я же тебе звонил, ты трубку не поднимал.

– Спал, наверное.

Спал он. В двенадцать дня.

– Ладно, – злюсь я. – Достаяю из кармана сотню. Держи, это твоя доля.

– А чего так мало? – привстаёт со своего места Сашка. – Договаривались же на двести.

– Двести – это загрузка-разгрузка. Ты на вторую часть не приехал. Поэтому только половина. Сто.

– Так и знал, что кинешь, – с презрением заявляет Сашка. – Всем пацанам скажу, что кидалово.

Хотел я его взять за шиворот и потрясти слегка, но мы ж врачи без пяти минут, а не птушники какие-то. Плюнул и ушёл. На следующих выходных мне опять помогал Димка.

С тех пор, когда одноклассники заводили привычную песню, мол, денег нет, где бы достать, мне достаточно было помахать рукой и напомнить: «Ярмарка-а-а-а». Все сразу замолкали.

Коммунальные вопросы (Истории общежития)

Нашу общагу в центре Минска построили ещё при жизни Иосифа Виссарионовича. Была она ветхой, перенаселенной, постоянно текла крыша и перегорала электропроводка. Зато в центре и в шаговой доступности от метро. К тому же все события активной жизни столицы проходили почти у нас под окнами.

Вздумают, например, оппозиционеры митинг устроить. Так чуть ли не в окна к нам с флагами лезут. Все стены лозунгами распишут. Или схватятся в честной битве доблестные бойцы ОМОНа с толпой митингующих – опять же из наших окон все, как на ладони. А если плохо видно, так можно в соседнюю комнату перебежать.

В дни митингов вахтерши нас в общаге даже запирали, чтобы студенты на неприятности не нарывались. Так мы через окна вылезали. Интересно же. Мы-то из глубинки приехали. Там до сих пор помнят, как в 1985-м, на девятое мая, секретарь горисполкома на трибуне чихнул. А тут судьбы страны решаются.

Ну и доставалось некоторым. Бывали наши студенты и в кутузках, и в ОМОНовских машинах их увозили, просто за то, что мимо шли. Да рассказ не про это.

Общага наша – один большой одряхлевший организм. Когда под землей проходят поезда метро – трясутся все стены и перегородки. Здание стонет и грозит рухнуть. А в пять утра из ближайшего депо выезжают на маршруты громкие минские трамваи. Кто хочет поностальгировать, напомню, ездили такие красно-желтые старички со страшным скрипом в тормозных колодках. С трамваями тревожно вскакивает первый курс. Старшие уже привыкли. Их из пушки не разбудишь.

Общага коридорного типа. В самом конце умывальник и туалеты. Больше всех не повезло тем пацанам, которые живут в последней комнате перед туалетом. Двери-то одинаковые. Деревянные, обшарпанные, покрытые толстым слоем голубой казенной краски. С утра человек десять путали крайнюю комнату с туалетом и заваливали в гости, на ходу расстегивая штаны. И вместо желанных рядов благоухающих дырок в кафеле видели четыре заспанные физиономии: – Здрассьте.

Душ притаился в подвале. Один на всю общагу. По четыре работающие кабинки в двух узких и длинных подвальных каморках. Каморки разделены по половому признаку. Парням-то повезло. Их мало, поэтому вход почти всегда свободный. А вот в душ к девчонкам неизменно стояла километровая очередь. Особо хитрые и не стеснительные принаровились занимать душ у парней. Повесят на двери халатик, типа занято. И стой, как дурак, пока последняя свои престели не отмоет.

Идиллию разрушил наш сосед по коридору Витька. Однажды вечером в гости к нему нагрянула весьма привлекательная особа с недвусмысленным предложением. Сокамерники Витьки в положение вошли и тут же разбрелись по другим комнатам играть в комп и повторять биохимию. И все бы было совершенно идеально, если бы Витька не занимался в университетской секции по баскетболу. То есть пришел он с двухчасовой тренировки весь такой брутальный и благоухающий, а тут свет очей его и других органов нагрянула. Неудобно в таком виде любовь крутить.

– Ты подожди минуточку, – шепчет Витька в розовое ушко пассии. – Я в душ – и обратно.

Схватил полотенце, мыло, и раненым гепардом рванул в подвал. А там халатик на мужских дверях. И толпа хихикающих девчонок. Витька крутится как уж на сковородке. Гормоны кипят, пассия ждет, да и пацаны не вечно по чужим комнатам ходить будут.

Хлопает дверь, и из мужского душа выходит только одна из девчонок. А внутри ещё три остались. Витька выругался сквозь зубы и рванул «под халатик». Думал, визгу будет...

Фигушки. Девушки медики любовь и секс воспринимают, как каскад биохимических реакций. Поэтому и бровью не повели. Все спокойно домылись, Витька даже расстроился слегка.

Правда, с тех пор к халатику снаружи приставляли «часового». Чтобы толпа похотливых мужиков не повторяла Витькин подвиг.

С появлением мобильных из жизни общежития исчезло такое чудесное явление, как очередь к телефону-автомату. Бывает, выйдешь вечером к вахте, где на стене висят два-три синих телефонных ящика, а к ним уже очередь. Студенты накупили карточек, сидят, болтают. А самые хитрые засунут карточку, а потом через минуту достают. Соединение не прерывается. Только того, с кем говоришь не слышно. Сидят, ведут монологи с молчащей трубкой. А на той стороне мама котлеты жарит и слушает. Или не слушает.

Больше всего девчонки болтать любят. Придешь с учёбы – злой, уставший, голодный. Родители тебя месяц не слышали, уже в розыск подавать собираются. Отыщешь в кармане карточку, чтобы сказать:

– Жив, здоров, ещё не выгнали.

И спускаешься к вахте. А там сидит какая-нибудь Маша с первого курса в розовых пушистых тапочках и коротком халатике, и тихо мурлыкает в трубку:

– Да, мамочка. Да, покушала. Ничего сегодня не задавали.

И так полчаса! Убил бы! Один плюс – можно на машины коленки полюбоваться.

Лечение синдрома вахтёра

С моим однокурсником – врачом-эпидемиологом Дмитрием Ивановичем, произошла в недавнем прошлом презабавнейшая история.

Как все белорусские врачи, отучившиеся на бюджете, Дмитрий Иванович прошёл стажировку-интернатуру в областном центре и был направлен поднимать провинциальную медицину в районный городок на юге синеокой.

Работал Дмитрий Иванович не щадя своих молодых сил, поэтому считался в области человеком надёжным и проверенным. Зарекомендовал себя так, что уже через год был назначен заведующим отделом районного ЦГЭ. А так как в наличии у него не было даже второй категории, то начальство отправило доктора в столицу, на учёбу, с перспективой присвоения в дальнейшем желанной категории.

Дмитрий Иванович обрадовался учёбе. После стройных рядов печных труб и старинного центра городка, который строили ещё белополяки, он вновь окунулся в жизнь столицы. В бесконечный шум проспекта, в запахи метро, в толпу, которой вечно некогда. Его снова, как в студенчестве, будили в пять утра минские трамваи, а по ночам не давал заснуть храп соседей по комнате общежития.

А надо вам сказать, что в это время в одном из технических вузов столицы учился племянник Дмитрия Ивановича – восемнадцатилетний оболтус Сашка. Ну как учился – изредка появлялся на лекциях между походами в ночные клубы и сетевыми битвами в одну популярную белорусскую игру.

Дмитрию Ивановичу звонит его сестра – по совместительству мама оболтуса.

– Димочка, ты в столице надолго?

– На месяц точно, а там посмотрим. Главный вроде отпуск обещал.

– Ты бы присмотрел за Сашкой-то. Говорят, совсем от рук отбился.

– Сашка твой выше меня на голову и в плечах шире. Как ты мне предлагаешь бороться за его моральный облик?

– Но ты ж ему дядя.

– Дядя, который всего на шесть лет старше. Пошлёт он меня.

– Не пошлёт. Ну что тебе стоит. Поживи с ним в общежитии пару недель, я уже и с комендантшей договорилась. У них в комнате свободная кровать есть. Тебе же всё равно, в какой общаге спать.

Дмитрий Иванович призадумался. С одной стороны, общага у племянника блочная, новая, комфортная, а он сейчас живёт в старой, коридорной и сосед-хирург храпит очень. Опять же со старшими сёстрами, которые тебя шваброй по двору гоняли, и в третьем классе, когда Васька Бубнов к тебе драться полез, надавали этому Ваське щелбанов, особо не поспоришь. Да и отношения с племянником вроде дружеские. С другой стороны, ну его, это воспитание. Дмитрий Иванович и сам бы в популярную белорусскую игру с удовольствием зарубился бы, насчёт клуба уже не уверен – здоровье не то, но чем чёрт не шутит. Как бы не пропасть в студенческой общаге вместе с родственником. Вздохнул и согласился.

Племянник дяде обрадовался. После серьёзного разговора за рюмкой компота, клялся, что возьмётся за учёбу и обязательно выбьется в отличники. Соседи по комнате молча приняли доктора, как старшего товарища, и через пару дней уже не стеснялись ходить при нём в трусах.

И вот как-то приезжает Дмитрий Иванович с занятий и садится с племянником обедать. Только разложили гречку по тарелкам, как дверь без стука распахивают и в комнату входят две строгие тётки предпенсионного возраста в белых халатах.

– Здравсьте, – растерянно улыбается Сашка. – Гречки хотите?

Тётки шутку не оценили. Достали из-за спины какие-то флаконы и стали по углам что-то разбрызгивать. В комнате запахло чем-то резким и химическим.

– А что, собственно, происходит? – насторожился Дмитрий Иванович.

– Дезинсекция, – снизошла одна из тёток. – Тараканов травим.

– Но простите, мы же в этом помещении находимся. И в данный момент едим.

– А что нам ждать, пока каждый студент пожрёт?! – раздраженно огрызнулась вторая тётка. – Так мы до вечера провозимся.

– Мы могли бы выйти.

– Не сдохнете, – снова уронила тётка.

Дмитрий Иванович, почуяв сотрудников родного ЦГЭ, попытался воззвать к Гиппократу.

– Коллеги...

– Какие мы, б... тебе коллеги! – разъярилась тётка. – Сиди, сказала! Мы почти закончили.

Она щедро плеснула из банки в угол, где стояли туфли Дмитрия Ивановича. Комната сразу стала напоминать газовую камеру. Дядя с племянником пулей вылетели в коридор. Следом вышли тётки.

– Но послушайте, нельзя же так, – снова возопил Дмитрий Иванович.

– Будет ещё меня каждая сопля учить! – фыркнула тётка. – Валя, открывай следующую дверь.

К вечеру «газификация» общежития была завершена. Студенты нервно курили на лестницах и гуляли по коридорам, пока из комнат через распахнутые форточки выветривалась «дезинсекция». На их жалобы комендантша пожимала плечами.

– А что я сделаю? Внеплановая дезинсекция. Они ж с самой санстанции пришли. Тараканов опять же меньше станет.

Тараканов и правда стало меньше. На неделю, пока не выветрились остатки химии, они мигрировали в соседнее здание, а потом вернулись, захватив пленных.

Ещё через месяц Дмитрий Иванович закончил учёбу и вернулся в родной райцентр. Племянник Сашка клялся, что встал на путь исправления, но украдкой поглядывал на стоявший на столе ноутбук.

А дома доктора ждал сюрприз. Оказывается, пока он учился, главного врача повысили и перевели в столицу. И тот, уезжая, предложил молодому специалисту работу под своим крылом. Мол, мы с вами, Дмитрий Иванович в районе сработались, а в столице мне тем более свои люди нужны. Вот так всего через несколько месяцев после учёбы эпидемиолог снова оказался в городе юности.

Так как место заведующего эпидотделом на новом месте работы оказалось занятым, главврач предложил Дмитрию Ивановичу некоторое время поработать заводделом дератизации и дезинсекции. Вы уже догадались? Беларусь страна небольшая, специальность врача или среднего медработника санстанции штучная. Поэтому первым человеком, которого встретил в своём отделе Дмитрий, была та самая сварливая тётка, что не дала ему полгода назад поесть гречки.

Они узнали друг друга с первого взгляда (играет грустная музыка французских шансонье или что-то из ковбойских вестернов – на выбор читателя).

– Что, жаловаться пришёл, паразит? – мрачно спросила тётка. – Не забыл за столько времени?

– Нет, – ответил Дмитрий Иванович, с трудом скрывая торжество. – Я ваш новый заводделом. Знакомиться пришёл.

«Это было жестоко, – рассказывал мне потом Дмитрий Иванович. – Нельзя так с пожилыми женщинами. Мне очень стыдно. Казалось, что её сейчас кондрашка хватит».

– И что ты сделал? – спросил я.

– Сдавали они мне на пару экзамен по технологии проведения дератизации и дезинсекции. Долго сдавали. И теперь иногда поглядываю за ними. И ты знаешь, идеальные работники. Ни одной жалобы, наоборот, сплошные благодарности. Буду премировать по итогам года. Теперь я знаю, что синдром вахтёра хорошо лечится шокотерапией.

Меломан Виталик

В каждом общежитии есть такие парни, которые, освоив два аккорда на раздолбанной гитаре, считают себя как минимум Владимиром Высоцким, а как максимум Джоном Ленноном. Обычно эти меломаны отчаянно фальшивят, компенсируя отсутствие слуха громкостью голоса. А так как стены между комнатами чаще всего картонные, тут уж соседям не позавидуешь. Весь репертуар горе-артиста можно выучить наизусть.

Нам ещё повезло. Ходили легенды, что в нашей общаге когда-то пел Дмитрий Колдун. Это было ещё до «Евровидения» и его знаменитости, но уже тогда, когда ухаживал за студенткой нашего факультета и своей будущей женой Викторией. Сам не слышал, врать не буду.

Зато в соседней комнате в начале восьмидесятых пел будущий известный белорусский певец Александр Солодуха. А вот наш преподаватель по физике отзывался о нём не самым лестным образом: «Не умеешь лечить людей – иди пой!».

К сожалению (или к счастью), ни Колдуна, ни Солодухи я не застал. Зато очень близко познакомился с Виталиком.

Слуха у Виталика не было совсем. А петь он любил всей душой.

Ночь с четверга на пятницу. Пятое или шестое сентября. Только заселился в комнату с тремя такими же, как я, первокурсниками и уже успел слегка сойти с ума от объёма информации, которую предстояло выучить. Завтра первое занятие по биоорганической химии, которое ведёт декан факультета. В животе бурчит гречка с тушёнкой, которой мне предстоит питаться следующие шесть лет. Короче, сплошной стресс.

И только мы успели забыться тревожным сном начинающего студента, как из соседней комнаты раздался вопль. Нет, не так. **ВОПЛЬ.**

– И будешь вечно со мно-о-о-ой!

Мои однокамерники как по команде заткнули уши подушками. Бесполезно. Истощенный вопль повторился ещё несколько раз, потом тот же голос начал выкрикивать что-то из «Короля и шута». Всё моё едва начатое музыкальное образование запротестовало. Певец орал абсолютно фальшиво, срываясь на истеричный фальцет в самых неподходящих местах. В тех случаях, когда нужно было вывести особенно трудную ноту, он компенсировал недостаток таланта истощенным воем.

– Паша, сделай что-нибудь, – едва не плача, попросил однокамерник Сашка. – Нам же вставать через пять часов.

А что я сделаю? Я в этой общаге первую неделю. Нехотя встал, пошёл разбираться. Открываю дверь в соседнюю комнату и наблюдаю следующую картину. На трёх койках, заткнув уши подушками, одеялами, матрасами и всей одеждой, что нашлась, пытаются спать трое парней. Четвёртый сидит на подоконнике с гитарой и орёт прямо в центр ночного Минска. Романтика, блин.

Подхожу.

– Слушай, дружище, очень спать хочется. Ты бы потише, если можно.

Меломан скосил на меня глаза, но петь не перестал.

– Я говорю – потише можно? На занятия завтра.

Орёт, полностью игнорируя моё присутствие. Так, надеюсь, своим соседям по комнате он тоже надоел, и бить меня вчетвером они не будут.

Перехватываю гитару за гриф и пытаюсь вырвать её у меломана.

– Э-э! Ты чего?! – возмущается певец.

– Ты на время смотрел? Сколько орать можно?

– Отдай инструмент! И не лапай её!

И всё это с надрывом, обидой. Смотрю на «неё». Обшарпанная гитара, струны натянуты кое-как, торчат в разные стороны острыми концами. Настраивать её музыкант явно не умеет. А ещё ей кого-то били, и, кажется, я догадываюсь кого. В деревянном барабане трещина, заклеенная картинкой голой девушки. Картинка тоже уже повидала жизнь. Девушка почти стёрлась, видны только огромные округлые «глаза».

– Спать ложись, – говорю певцу.

– Совсем первокурсники обнаглели, – возмущается тот. – Пацаны, вы чего молчите?

Но его соседи по комнате только натягивают на уши подушки и делают вид, что спят.

Вот так мы познакомились с Виталиком. Природа недодала нашему соседу слуха и чувства ритма, зато не обидела голосовыми связками. Пел Виталик громко. За что был неоднократно бит старшекурсниками, вызываем к коменданту общежития. Его гитару крали, выбрасывали в мусорный бак, били об стену. Но Виталик с завидным упорством доставал её, заклеивал, натягивал струны и ОРАЛ.

Спасение, как водится, пришло с неожиданной стороны. Общежитие наше располагалось в самом центре города. Поэтому во дворе неизменно дежурила машина ППС. Иногда она куда-то срывалась и, визжа тормозами, мчалась участвовать в каком-нибудь преступлении. Но чаще всего доблестные милиционеры просто стояли, подрёмывая по очереди и поглощая вёдра кофе, как какие-нибудь заправские копы из фильмов. ППСники долго старались не замечать выступлений Виталика. Они закрывали в машине окна и включали громче музыку. Нервно курили, со злобой поглядывая на окна общежития, где на высоте третьего этажа на подоконнике сидел медпрофовский менестрель.

Наконец один из ППСников не выдержал. То ли ходил в детстве в музыкальную школу, то ли голова у него в тот день болела. Патруль не поленился пройти через вахту мимо испуганной бабушки Мариванны, вычислить по крикам комнату Виталика и ввалиться с грозным: «Откройте, милиция!»

Милиционеры вежливо объяснили Виталику, что его песни попадают под «нарушение общественного порядка», и если он не хочет загреметь на несколько суток в другое общежитие, не такое комфортное, то лучше бы ему вести себя потише.

С тех пор Виталик, перед тем как устраиваться на подоконнике, внимательно осматривал двор. Не стоит ли там машина ППС. А так как машина стояла очень часто, то количество концертов резко сократилось, и спать мы стали спокойнее.

Нам тут такие не нужны

В общежитии медицинского института, недалеко от нашей комнаты жил старшекурсник Сергей. Личность в своём роде легендарная. Ходячий источник анекдотов и фразочек, которые уходили в народ. Участник невероятных приключений, которым не верили уже спустя месяц после того, как они произошли. Когда первокурсника, пропустившего полгода занятий из-за игровой зависимости, в коридоре лупила мать, именно Серёга вышел из кухни и, прихлёбывая чаёк из литровой кружки, произнёс эпичное:

– Боря, если тебе помощь требуется, моргни два раза. Мы милицию вызовем.

Серёга был непредсказуем и оригинален. На первом курсе добыл откуда-то губную гармошку и решил выучиться на ней играть.

Просыпаетесь вы с утра в субботу, бредёте по бесконечному коридору на кухню, чтобы успеть поставить на единственную нормально работающую конфорку кастрюльку с пельменями. Под ногами скрипят доски, в комнатах за хлипкими дверями шумно зевают будущие светила медицины. А на подоконнике в кухне сидит Серёга. Сбивает щелчками нахальных откормленных тараканов и наигрывает что-то типа: «Ах, мой милый Августин». Длинный, белобрысый, в очках. Его почти мгновенно прозвали Гансом.

А какие картины рисовал? Пошёл бы в художественное училище – было бы сейчас в стране на одного художника-сюрреалиста больше.

На третьем курсе на очередной студенческой попойке Сергей сидел на подоконнике, курил в открытое окно и рассказывал анекдоты. В процессе исполнения особенно смешного анекдота он увлёкся и выпал из окна спиной вперёд. Как раз в это время под общежитием что-то копали коммунальщики. Они аккуратно сняли асфальт, вырыли траншеи и ямы, поставили острые столбики с красно-белой лентой и сгнули в снегах Арктики на неопределённый срок.

Был бы под общежитием асфальт, Серёга убили бы. А так аккуратно приземлился в глинистую, наполненную дождевой водой траншеею, в миллиметрах от ближайшего столбика. Невозмутимо поднялся, отряхнулся, нашёл потерянные тапочки и продефилировал мимо ошалевшей вахтёрши. Не забыл вежливо поздороваться.

И как каждый увлечённый жизнью человек Серёга плохо учился. Ну некогда ему было зубрить суставы и дырки в черепе, постигать длинные цепочки превращений цикла Кребса, вникать в классификацию антибиотиков и записывать лекции по организации медобеспечения. Благодаря хорошей памяти и светлой голове, доучился до шестого курса, когда каждый студент уже на сто процентов понимает, что его не отчислят. Доучился и вылетел за пять дней до экзаменов, потому что его не допустили из-за прогулов по какому-то непрофильному и в общем-то неважному предмету. Впервые в истории университета отчислили шестикурсника!

То, что мы обалдели, это ещё слабо сказано. Все отлично знали, что на одной из кафедр преподаёт родственник Сергея, были свято уверены, что уж он-то Серёгу прикроет. Шестой курс! Какое отчисление? Но Серёга гордый. К родственнику не пошёл из принципа. Собрал вещи и под рыдания девушек поехал домой.

До восстановления оставался целый год. Чтобы не сидеть год без дела, решил Сергей устроиться на работу. Пятый курс, почти готовый врач-эпидемиолог. Значит, надо идти по специальности – помощником эпидемиолога в областной ЦГЭ. Есть такая среднемедицинская специальность. Типа медсестра-эпидемиолог.

Явился к главному врачу. Тот сидит в кабинете под портретом президента, вертит документы нового специалиста, брезгливо морщится. А чего морщиться? На пятнадцать рабочих мест восемь человек работают. Зарплаты у помощников невелики, вот и не идут люди. В основном бабушки пенсионного возраста трудятся. А тут готовый помощник, молодой, полный энтузиазма и желания работать.

Наконец главный врач чуть ли не с отвращением протягивает Серёге документы:

– Отчислили тебя с пятого курса. Значит, ты либо глуп, либо пьющий. Нам тут такие не нужны.

И из кабинета попросил.

Вышел Сергей за дверь, в своей обычной манере пожал плечами и поехал в соседний город более мелкого масштаба. Там его местный главный врач с руками оторвал, ибо кадровый голод в райцентре такой, что хоть самому по объектам бегай.

Сергей отработал год, честно выполняя функции не только помощника, но и врача-эпидемиолога. Летом восстановился, доучился на шестом курсе и по распределению попал в тот же областной ЦГЭ, в который его не взяли.

– Опять ты? – поморщился главный.

– Опять я! – улыбнулся Сергей.

Снова с брезгливой миной вертит главный его документы. Но тут уже государственное распределение и против подписи министра здравоохранения не попрёшь.

– Ладно, иди оформляйся, – нехотя говорит главный. – Но учти, я за тобой присматривать буду.

И не обманул. Присматривал так, что вскоре Серёга решил уносить ноги с этого рабочего места. Главный дотошно проверял все его действия, ковырял по любому поводу, всячески показывая недовольство работником. Чем удивлял коллег, которые не могли нарадоваться на активного молодого врача. А через год в местной воинской части освободилась должность военного эпидемиолога. Сергей, долго не думая, поехал к военным и сдался им в плен.

У военных кадровый голод среди медработников хуже, чем на гражданке. Поэтому Серёгу не то что с руками оторвали, а прямо с подошвами. Молниеносно оформили документы, выдали форму и постригли.

– Подождите! – кричит Сергей, хватаясь за дверной косяк КПП. – Я ещё с работы не уволился.

– А-а, пиджачные дела! – отмахивается новоявленный начальник – полковник медицинской службы. – Потом уволишься.

– Да я так не могу.

– Вот тебе бумажка с печатью, иди увольняйся. Чтоб завтра в девять утра был в части!

Полетел Серёга стрелой. Вбегает в кабинет главного врача и кладёт бумажку с печатью на стол.

– Иван Иванович, я увольняюсь.

Главный смотрит на него из-под очков. Думал Серёга, что сейчас тот в пляс пустится. Ведь гнобил ежедневно, рассказывал, что не нужны ему в организации такие, которых отчисляли с пятого курса. А тут молчит чего-то.

Наконец процедил сквозь зубы:

– Что это ты удумал? Я тебя не отпускаю.

– Как это не отпускаете? – удивился Сергей. – Вы же меня брать не хотели. «Нам тут такие не нужны» и всё такое. Вот я и ухожу сам. Подпишите обходной.

– Мало ли что я говорил. Врачей не хватает. Вот летом придут новые из университета, тогда поговорим.

Вышел Сергей из кабинета ошарашенный. Звонит полковнику.

– Товарищ полковник, меня главврач не отпускает.

– Чё? – не понял полковник. – Повтори.

– Я говорю, меня главный врач не отпускает.

– Откуда? К батарее цепью привязал?

– Документы не подписывает.

– Дай-ка мне его телефон. И от кабинета далеко не отходи.

Через три минуты дверь открылась. На пороге стоял бывший начальник, красный от злости с горящими ушами. На столе остывал раскалённый от командирских воплей телефон, через который ему доходчиво объяснили, что такое приказ Министерства обороны и куда он может засунуть свои «пиджачные дела».

– Давай обходной, – прошипел главный.

Не глядя, подписал и ушёл в кабинет, хлопнув дверью.

А утром следующего дня Серёга в форме лейтенанта медицинской службы уже стоял на построении и удивлялся новой непривычной жизни. Из кабинета командира доносилось раскатистое: «Вашу ма-а-ать!!!». В части начиналась эпидемия гриппа.

В настоящее время Сергей уважаемый врач, начальник одной очень серьёзной организации. Неделю назад встречались, поговорили, покурили. Рассказал несколько историй из практики, и увидел я, что под тонким слоем прожитых лет, званий, погон с блестящими звёздами и солидных должностей, остался Серёга прежним Гансом. Хоть сейчас достанет из кармана губную гармошку и сядет на подоконник анекдоты рассказывать.

Завидую ему.

Новогодние истории

Как-то завозился я с работой и совсем забыл, что на носу праздники. Пришлось экстренно звонить знакомым травматологам, чтоб подкинули историй. Они меня никогда не подводят.

В одном маленьком районном городке в конце декабря активно готовились к праздникам. На главной площади, прямо под окнами исполкома и у ног бессмертного Владимира Ильича, соорудили сцену. Поставили палатки от молокозавода, мясокомбината, рыбокомплекса и от Арсена с вещевого рынка. Врубили на всю мощь колонки с хитами 90-х, и началось веселье.

В центре события ведущие праздника – Дед Мороз с огромной синтетической бородой и массивная Снегурочка, которая по возрасту не во внучки ему годится, а в тётчи. Городок небольшой, финансирование ограничено, поэтому Дед Мороз со Снегурочкой отнюдь не актёры ТЮЗа, а обычные сотрудники убыточного завода, которых под угрозой лишения премии выгнали на сцену. Молодой инженер, которого по распределению заперли на предприятие, и бухгалтерша. Сценарий выучили наспех, но вроде не запинаятся особо. Дед Мороз накатил слегка, креативит, веселится, шутки пошли на грани фола. А вот у Снегурочки настроения нет. Капризничает.

Детишки на сцену выходят, стишки читают, песенки поют. Взрослые тоже втянулись. Мужики гирю пудовую роняют, девушки частушки «Сектора газа» провыли. Дед Мороз щедро отсыпает им конфет и мандаринов от спонсора Арсена. Пока суть да дело, Снегурочка решила отдохнуть, покурить. Спустилась тихонько со сцены, за декорациями спряталась и затаилась, поглядывая на заснеженного Ильича.

И вот надо было случиться, что в этот момент за декорации забрёл мальчик Витя, мелкий хулиган из второго класса. Увидел курящую Снегурочку, поразился:

– Снегурочка, ты что тут делаешь? Тебе же нельзя курить!

А Снегурочка, не выходя из образа доброй сказочной волшебницы, отвечает:

– Шел бы ты подальше, мальчик.

Закончилось бы это происшествие ранней детской травмой и разбитой верой в Деда Мороза, если бы сказочную фразу волшебницы не услышала мамаша Вити, которая в этот момент неподалёку распивала с подругами недорогие алкогольные напитки.

– Ты что, курица, моему сыну сказала? – заинтересовалась мама Вити.

– Сама курица, – возмутилась волшебница, закатывая рукава, чтобы заморозить нахалку.

Слово за слово, мама Вити намотала на руку косу Снегурочки и давай ей лещей отвешивать. Снегурочка с истошным визгом вцепилась ногтями в лицо нападающей. Дед Мороз со сцены зовёт: «Внучка, где ты?!» А внучка в сугробе в партере, красная и румяная, нос в кровянице, одолевает в нелёгкой борьбе маму Вити. И ведь одолела бы, но тут на подмогу подоспели подружки. Отпинали Снегурочку, вырвали ей и косу и часть своих волос. Налетели на дерущихся доблестные воины правопорядка, разняли. Тут же вызвали Скорую. И под звуки неутрахающих хитов 90-х полгорода любовалось на то, как Скорая увозит в приёмную райбольницы Снегурку со сломанным носом, а маму Вити в милицейском бобике в отделение.

Хороший праздник получился. Было что вспомнить.

О любви к бабушкам

История нетипичная, да простят меня постоянные читатели, но к моей нелюбви к дамам пожилого возраста час назад прибавился ещё один пунктик.

Привел свою будущую чемпионку вечером на тренировку и занялся доступным каждому родителю спортом, то есть сижу в фойе, Пикабу листаю.

Напротив меня – владелец клуба, характерный такой дядька-боксер, бритый, весь из мышц, каждые полгода ездит в Таиланд тренироваться с местными. Попивает чай и рассказывает приятелю о последней поездке, сопровождая рассказ характерными движениями. За стойкой – девушка-ресепшионистка. Антураж клуба соответствующий: везде ростовые портреты тайцев в перчатках, стены увешаны наградами-медалями, манекены с нунчаками, тайские слоники-будды, по телеку на стене два узкоглазых подростка лупят друг друга ногами.

Пахнет потом и кровью, из залов доносятся вопли и удары по мешкам.

Представили?

Вся проблема в том, что это цокольный этаж. И в этом помещении полтора года назад находился магазин секонд-хенда «Одежда из Европы». У входа огромные баннеры – «СПОРТ-ЗАЛ», «Занятия по тайскому и классическому боксу», «Аренда спортивного оборудования». И те самые полуобнажённые тайцы в характерных позах. На стеклянной двери огромная надпись: «Магазина нет!»

Вы думаете, кто-то обращает на это внимание? Прошло полтора года, но каждую неделю в спортзал вваливается очередной «покупатель» секонд-хенда и удивляется, почему не видно гор поношенного шмотья, а то и скандал закатывает.

Так вот, сижу, Пикабу листаю. Владелец показывает приятелю, как бить коленом по методике принятой в Ангтхонге. Приятель терпит. И тут дверь распахивается и в зал целенаправленно заходит бабушка.

– Блин, – вздыхает владелец. – В магазин пришла.

Бабушка игнорирует плакаты, баннеры, манекены в спортивной экипировке и напрямик направляется к девушке-ресепшионистке.

– Милая, мне бы одежду для женщин.

– Бабушка, – максимально терпеливо, корректно и вежливо отвечает девушка. – Магазин полтора года уже не работает.

– Как это? – возмущается бабушка. – Я так далеко ехала. Где хозяин?

Владелец делает вид, что он тут мимо пробежал. И командует девушке:

– Катя – разберись.

А сам прячется в подсобке.

Девушка дежурно улыбается.

– Понимаете, магазин закрылся. Теперь тут спортзал.

– Так ничего купить нельзя что ли?

– Можно, но только спортивное оборудование. Перчатки, шлемы, накладки. У нас зал бокса.

– Какого бокса? А магазин где?

Лицу девушки на мгновение позавидовала Мадонна Рафаэля.

– Магазин закрылся.

– А чего не написали?! – с вызовом бурчит бабушка. – Как же я увижу, что магазина нет?!

Напоминаю, вокруг плакаты с узкоглазыми боксёрами, баннеры, манекены, на магазин секонд-хенда не похоже совсем.

– Тут теперь спортзал.

– Понятно, – жует губами бабушка. – Небось, спрятала одежду для себя.

– Да вы посмотрите вокруг, – в праведном гневе всплескивает руками девушка. – Разве похоже на магазин секонд-хенда?

– Похоже, – не моргнув глазом кивает бабушка. – Вот и реклама трусов.

Дрожащим пальцем указывает на поджарого чемпиона мира 2015 года.

В подсобке то ли ржут, то ли рыдают двое взрослых мужиков. Из зала доносятся вопли и удары по мешкам.

Крик:

– Софа, куда ты бьёшь?! – ага, это моя кого-то ушатывает.

– Так значит, нет магазина? – подозрительно щурится бабушка.

– Нет, – твёрдо говорит девушка-ресепшионистка. – Закрылся.

– А я так далеко шла, – расстраивается бабушка. – У вас нет водички попить?

– Конечно есть! – вскакивает девушка.

Подбегает к кулеру, наливает воду в пластиковый стаканчик. Подносит. Бабушка проглатывает воду одним махом.

– Ещё?

– Ага.

И пока девушка поворачивается к кулеру, бабушка резво мчит к лестнице.

Слышу из-за двери:

– Хр-р-р!!! Тьфу!

Девушка чуть не роняет стаканчик.

– Хр-р-р! Тьфу!

Тут уже не выдерживает владелец. Выскакивает из подсобки и бежит к лестнице.

– Бабка, чтоб тебя!!!

И топот удаляющихся старушечьих шагов.

– Доктор, ты видел? – растерянно разводит руками боксер. – Ну вот как так?

Выхожу на лестницу. Бабушка постаралась. С ходу ставлю пару диагнозов, потому что на ступенях не просто слюна, а почти твёрдые комочки слизи. Бабушка отхаркала мокроту и одарила нас. То ли обиделась, что магазин закрылся, то ли вода не понравилась.

– Хлоргексидин есть? – спрашиваю у ресепшионистки.

– Доместос есть, – чуть не плача отвечает она.

– Заливайте. Через полчаса дети пойдут. Мало ли что у бабушки в заглазнике. И перчатки наденьте.

Девушка всхлипывает, но идёт за дезсредством.

Из залов пахнет потом и кровью. Секонд-хендом не пахнет.

Старость надо уважать. С возрастом люди становятся мудрее.

О музыкальных вкусах

Я не был музыкальным ребёнком. И на это имелась очень веская причина, которую народ озвучил известной поговоркой «В семье не без ...» (ну вы поняли). Мои родители познакомились в музыкальном училище, большую часть комнаты, в которой мы жили, занимала массивная деревянная туша «Октавы», отзывавшаяся гулким гудением в ответ на удары резинового мяча. Книжные полки ломались от листов с нотами, безжалостно исцёрканных карандашом, вечером из-за стены раздавались фуги и ноктюрны, под которые я так спокойно засыпал, потому что это играла мама. Неудивительно, что у меня абсолютно не было слуха.

Мать ещё как-то попыталась спасти положение. Устроила меня в класс фортепиано к своей подруге. Я честно отмучился год, зевая над нотами, тыкая пальцами в белые и чёрные клавиши (Павлик, не «фа», а «фа диез»!) и помирая со скуки. Но как только жаркие летние деньки оторвали меня от ненавистного инструмента, я с небывалой для восьмилетнего мальчишки решимостью заявил:

– Всё. Хватит! Я туда больше не пойду. Я хочу быть дворником, а дворникам ваше пианино не нужно!

И ушёл во двор пинать мяч. Мама, видимо, решила, что я стану знаменитым футболистом, больше за проклятый инструмент я не садился. До пятнадцати лет, но это уже произошло в другое время, другой стране и в другой жизни.

Я и родился в определённый день только потому, что матери пришлось сдавать какой-то экзамен. А для этого экзамена нужно было прослушать тьму произведений и расписать для них партитуру. Слушали в гулкой пустой аудитории с массивного проигрывателя. Аудитория располагалась на втором этаже, проигрыватель тяжёлый, мать – на девятом месяце. Где-то между первым и вторым этажом я и решил, что хватит с меня внутриутробного развития, и пора бы уже наружу.

Побледневшие от ужаса музыканты спустились с Олимпа и побежали вызывать скорую. Экзамен перенесли на пару недель.

Вы же понимаете, что это был мой не первый протест музыке. Я начинал пинать мать в печень ногами при первых же звуках «Турецкого марша» или «Пятой симфонии», чем сильно осложнял ей подготовку к экзамену. Эмбрионы вообще весьма эгоистичны.

Но наследственность всё-таки сказалась. Как-то в детский сад пришла молодая учительница музыки прослушивать нас для какого-то отбора. В город должен был приехать высокий столичный начальник, и его хотели порадовать многоголосым детским хором. Учительница собрала всех в большом зале, где по праздникам на нас со стены весело взирали молодой Ильич, а под Новый год пугала басом повариха в красной шубе и с бородой. По очереди подводила к пианино и просила петь любимые песни. Кто-то запел «Чунга-чангу», кто-то «И Ленин такой молодой».

Подтолкнули и меня.

– Это Павлик. У него мама – учительница музыки, – громким шепотом сообщила воспитательница.

Не любила она меня. Не знаю, за что. Может, потому что я днём спать не хотел и другим не давал?

– Как замечательно, – улыбнулась служительница Эвтерпы. – Наверное, мама с тобой занимается?

– Угу, – угрюмо ответил я.

То, что мама со мной не музыкой занимается, а математикой, я уточнять не стал.

– Что ты споёшь? Может, «Антошку»? Или «Крылатые качели»?

Я выпендрился. Затянул «Улетай на крыльях ветра» из «Князя Игоря». Мама чего-то там учила и слушала эту оперу за последний месяц раз сто тридцать. Я и запомнил. Учительница поморщилась и покачала головой. Исполнение ей не понравилось. Да я ей сразу мог сказать, что вторым Лучано Паваротти мне не стать. Я столько не съем.

Итак, после первого же года в музыкальной школе я выбрал спорт. На этом мои проблемы с музыкой на время закончились.

Лет в тринадцать я жил с бабушкой. В моей семье наступил сложный период, но я как-то этого не замечал. С бабушкой, так с бабушкой. Кроме того, у меня была собственная комната, хрипящий магнитофон «Карпаты», собранный на кухне дедом. И ещё меня никто не трогал, что для тринадцатилетнего подростка очень важно. Я окунулся в круговорот своих проблем, отношений с одноклассниками, первых робких контактов с противоположным полом, спортивных тренировок и подъездных посиделок. В ларьке № 15, прозванном «Голубая устрица», на заднем дворе магазина краснолицая тётка, несмотря на возраст покупателей, продавала разливное, разведённое водой пиво. Отец привёз моему однокласснику Игорю откуда-то из Москвы Денди и картридж с 9999 играми. Что ещё нужно для счастья? Никаких страданий по поводу своей заброшенности я не испытывал.

Кроме того, бабушка мне попалась нетипичная. Вы уже представили себе хрупкую старушку в цветастом халате с котом и вязанием или полную крикливую даму, грозу ЖЭКа и соседок легкого поведения? А вот и нет. Бабушка была молодая, активная, ценный и опытный специалист в бухгалтерии огромного промышленного комплекса. До огорода на даче и пенсии оставались ещё десятки лет. Вечерами она колдовала над цифрами, ловко орудуя модным японским калькулятором. Через её руки проходили финансовые потоки предприятия и в квартире звучали какие-то магические заклинания: «Сальдо», «Дебет», «Кредит» и всё в том же духе. Солидные начальники разговаривали с бабушкой почтительно. Она выдавала им зарплату.

И вот как-то вечером бабушка оторвалась от кипы расчётов и позвала меня. Я неохотно спрятал под подушку тонкую книжицу с жёлтыми страницами, в которой очередной мордорот-супергерой шинковал противников на шаурму. На обложке книжицы неизвестный художник изобразил привлекательную блондинку с пышным бюстом. Уже полкниги я ждал, когда эта блондинка появится в тексте, но она всё никак не появлялась. Возникло подозрение, что воспитанный в духе советского пуританства переводчик просто постеснялся переводить сцены с ней.

– Ну почему ты так медленно?

– Извини, баб, тапочки искал. Чего тебе?

– Принеси что-нибудь послушать, – попросила бабушка. – А то я совсем не знаю, что у тебя там в комнате играет. Вопли какие-то.

– Что принести?

– Ты же покупаешь какие-то кассеты всё время. Вот и принеси одну.

Я поплёлся в комнату и с тоской уставился на полочку с кассетами. Что ей принести? Металлику? Исключено. Там на обложке черепа со скелетами. АС/ДС? Бабушка в обморок упадёт. Айрон Мейден? Не лучший выбор. Сектор Газа? Мне кажется после этого мои кассеты отправятся в мусорное ведро. Наконец остались только две кассеты. Цой и «Любе» Расторгуева. Я недолго поколебался в своём выборе. Творчество Николая Расторгуева показалось мне ближе для бабушки. Взял «Карпаты» за отваливающуюся ручку и потащился обратно.

– Что это? – бабушка с подозрением посмотрела сквозь очки на поцарапанную кассету. На кассете был изображён сам Расторгуев с наганом в руке. За его спиной стояли мертвые с косами, у ног примостился мрачный тип, весьма похожий на Феликса Эдмундовича.

– Это «Любэ». Очень модная сейчас группа. Альбом, правда, позапрошлого года. Но ещё слушают.

– Включай.

Магнитофон кашлянул, захрипел динамиком и начал играть. Играл он плохо, с подвываниями, на участках, где плёнка была зажёвана, тормозил и норовил пожевать снова.

Бабушка с брезгливой миной прислушалась к воплям «Атас!» из динамика и осуждающе покачала головой.

– Гадость какая-то.

– Это не гадость, – мигом завёлся я. – Это модная музыка.

– У мамы бы уши в трубочку скрутились.

– Так это у мамы. Мне нравится.

– Не то тебе нравится.

Короче, слово за слово – поругались. Я забрал магнитофон и ушёл в комнату, хлопнув дверь. Настроение испортилось необратимо, и даже появление на следующей странице книги долгожданной блондинки не поправило его.

Может, надо было Цоя принести?

Я немного подрос, и в тридцать лет у меня родилась дочь. Эпизод с бабушкиной критикой моих музыкальных вкусов врезался в память, и ещё тогда я поклялся, что никогда не буду критиковать предпочтения своих детей. Хочешь русскую попсу – пожалуйста, в слова текстов я точно вслушиваться не буду. Хочешь рэп – потерплю. Дабстеп, прости Господи, ну сделай тише, чтобы у папы мозг не взорвался, а так слушай, конечно. Какой Бибер? У нас тоже такой дурачок был. Дэцлом звали. Что значит, это не одно и то же? Ну ладно, конечно папа ничего в музыке не понимает.

А неделю назад это чудо услышало песню Кобзона «И Ленин такой молодой...», зафанатело, скачало с десятков аналогичных композиций, а теперь ходит и распевает бодрим голосом «Любовь, комсомол и весна!», «Взвейтесь кострами, синие ночи!», «Страна моя, Москва моя!» Ну, семнадцатый год на дворе. Может, магнитные поля какие-то?

Бабушке бы понравилось.

Основы экономической теории

Мы, студенты медицинского университета, любили непрофильные предметы. На философии можно было вволю выспаться, внимая успокаивающему голосу импозантного седовласого преподавателя. На социологии можно было «нализаться» невыученной физиологии, а однажды на жутко трудной сессии чудесный предмет «Этика» спас мою стипендию.

Как же отдыхал наш мозг, перегруженный заковыристой латынью и основами медицинской физики, пропуская через себя учение Гегеля и Канта. К слову, ничего, кроме имён этих великих деятелей, я не запомнил. Ну и ещё помню, что Кант умер девственником, не пожелав тратить жизненную энергию на всякую чепуху.

А вот моя однокурсница Оля жутко невзлюбила экономику. Она искренне не понимала, как человек, затолкавший в память патанатомию и сдавший её на отлично, может найти в голове место для добавленной стоимости и дебета с кредитом. Поэтому экономику она не учила из принципа. Мол, в жизни ей это не понадобится, а для дальнейшего развития биохимия важнее.

Экономику у нас преподавала пожилая строгая дама. В медицинский её позвали на полставки, никто её тут не ценил и не боялся, поэтому дама была очень на нас обижена. Чувствовала себя как учитель пения в школе. Вроде и преподаватель, а вроде клоун с баяном. Студенты на её парах учили всё, что угодно, кроме экономики, а когда она поднимала скандал, смотрели честными глазами будущих хирургов и не понимали, чего она так волнуется.

И вот наступил день сладкой мести. День экзамена по экономике. Дама полгода копила злобу, составляла списки жертв и даже купила новую ручку для двоек. Приходит на экзамен наивный поток медиков, только что отстрелявшихся по патанатомии. Все ждут лайтовых оценок, проходных баллов. Естественно, никто ничего не учил. Ну, кроме Лёхи. Лёха у нас краснодипломник. Да ещё Ирки. Ирка просто заучка.

Выходят из кабинета первые студенты с круглыми глазами. Удивлённо смотрят в зачётки. А из кабинета экзаменатора доносится: «неуд!», «Неуд!», «НЕУД!», и зловещий торжествующий хохот. И тут началась паника. Из воздуха возникли какие-то учебники и методички. Коридор погрузился в мрачную зубрёжку. Студент-медик может японский язык за ночь выучить, он такой. А уж экономику и подавно. В потоке сдающих возникла заминка. Никто не хотел идти следующим. Каждые пятнадцать минут – это ещё десяток вопросов, которые можно успеть пробежать.

Оля в трауре. Экономику она не знала и не учила, сессию сдавала на отлично и уже предвкушала хорошую стипендию и летний отдых. А тут такая подлянка. Кроме того, на последних занятиях по экономике она умудрилась неслабо поругаться с преподавательницей. Та застала Олю за изучением очередного «цикла Кребса» на задней парте и жутко возмутилась. Пообещала громы и молнии, и припомнить на экзамене. Оля тогда посмеялась. Сегодня ей было не до смеха.

Напряжение нарастает. Где-то уже рыдает отличница Танюша, испортившая зачётку тройкой. Мужская часть потока в третий раз бежит курить, женская – в пятый. И тут в коридоре появляется Олин будущий супруг Сергей. Сергей – студент экономического факультета БГУ, потому что два медика в одной семье это уже чересчур. Да и парней на лечфаке так мало, что за ними очередь выстраивается.

– Чего все такие кислые? – удивляется Сергей. – Ты же говорила, что у вас экономика проходной экзамен, законная «пятёрка».

– Все так думали, – бурчит Оля. – Иванова, зараза, валит.

– Иванова? Не Светлана Геннадьевна?

– Она самая. А что, ты её знаешь? – оживилась Оля.

– Конечно, знаю. Это мой любимый преподаватель. Она мне в прошлом году «отлично» поставила.

– Серёженька, – голос Оля стал многообещающим. – А не мог бы ты с ней поговорить.

– Запросто, – пожал плечами Сергей. – Только досиди до двенадцати. Она обычно перерывы устраивает. Чай пьёт.

Оля забила в угол и на все призывы однокурсников идти следующей отвечала исключительно отказом.

И вот часы бьют полдень. С последним ударом дверь кафедры открывается и выходит Иванова, чай пить. Сергей бросается ей навстречу.

– Светлана Геннадьевна!

– Серёженька! – вредную преподавательницу как подменили. Лицо светлеет, на нём появляется улыбка. – А ты что тут делаешь?

«Тут» сказано максимально с презрением и омерзением. С кивком головы в сторону кучки «белых халатов».

– Светлана Геннадьевна, – Сергей осторожно берёт преподавательницу за локоть и отводит в сторону. – Тут такое дело. Сегодня у вас сдаёт экзамен моя девушка. Оля Петрова.

– Петрова? – сияние немного гаснет. – Как же, знаю, знаю.

– Светлана Геннадьевна, она очень хорошая и умная девушка. Отличница. Ну не хватило у неё сил на экономику. Это ведь такой сложный предмет.

– Ну да, ну да, – задумчиво говорит Иванова.

– Очень сложный и важный. Наверное, самый важный предмет в программе любого вуза, – продолжает наглый подхалимаж Сергей. – Не могли бы вы помочь немного.

– Помочь? – вздыхает преподавательница. – Если только ради тебя, Серёжа.

Иванова бросает на Олю уничтожающий взгляд и идёт пить чай.

Сергей подходит к возлюбленной.

– Я договорился! Иди смело!

Оля нырнула в аудиторию, растолкав однокурсников локтями. Вернулась Иванова, попив чаю. Позвала к столу следующую жертву. Оля тянет билет. Удача! Из трёх вопросов два вроде бы читала, а один так точно знает. А ещё и Серёжа договорился. Кажется, пронесло.

– Идите, готовьтесь, – Иванова делает в журнале какие-то записи и на Олю не смотрит.

Оля вываливает на листок всё, что знает по существу вопроса, потом на вторую половину листка вообще всё, что знает по экономике. На всякий случай. Вроде бы ничего получилось. Идёт отвечать.

Иванова долго и отрешённо выслушивает её, поглядывая в окно. Оля, оседлав конька, студенческую удачу, заливается соловьём. Впереди маячит как минимум «отл.». Выговорилась, затихла.

– Ну что ж, уважаемая студентка, – выждав паузу, говорит Иванова. На «тройку» вы, кажется, наговорили.

– На «тройку»? – задохнулась Оля. – Да как же?

Иванова смотрит на неё сквозь очки.

– А что вы хотели? Учитывая вашу подготовку...

Ну что ж, «уд», так «уд». Хрен с ним. Лишь бы сдать!

– Я согласна, – Оля протягивает зачётку. Лишь бы вырваться из кабинета пыток. И больше никогда и ни за что не вспоминать про экономическую теорию!

– Вам достаточно?

– Да! Ставьте «уд»! – чуть не кричит Оля.

Иванова задумчиво листает её зачётку.

– А ведь вы отлично сдали сессию. И предыдущую. Жалко портить такую зачётку. Давайте-ка встретимся в конце лета. Вы пока подтянете предмет, да и Серёжа вам поможет. Он великолепный студент и будет хорошим специалистом. А пока «неуд».

– Не надо! – пищит Оля. – Вы же хотели «уд». И Серёжа вас просил.

– Вот именно. Серёжа, – наставительно говорит Иванова. – Вот представьте, создадите вы ячейку общества, заживёте вместе, будете вечером на кухне чай пить и разговаривать. Вы – медик, он – экономист. Так если вы так плохо знаете экономику, какие же у вас будут общие темы для бесед?! Нет. Ради вашей будущей семьи – потрудитесь летом.

И ставит Оле «неуд». Оля вышла из кабинета злая, как тысяча проверяющих санстанции.

– Ну что? – подскочил к ней Сергей. – Получилось? Поехали отмечать?

Оля с ненавистью посмотрела на возлюбленного. И Сергей понял, что в ближайший месяц ему точно ничего не обломится.

К слову, экономику Оля сдала в августе на «хорошо». А мне повезло. Я списал!

Перезагрузка

От огромных зарплат в отечественной медицине наши доктора сходят с ума, бесятся с жиру и увлекаются какими-то непонятными вещами. Кто в гараже колёса меняет, кто в палатке печеньками приторговывает, кто БАДы распространяет. А некоторые вообще, прости Минздрав, из медицины родной уходят, клятву Гиппократову предают и начинают всякой ерундой заниматься, с хлеба на воду перебиваясь. Короче, развлекаются, как только могут. Вот автор, например, книжки пишет.

У одного моего знакомого бактериолога есть замечательное хобби, в свободное от основной работы время он устанавливает окна. Пластиковые, деревянные, какие закажут, такие и устанавливает (Серёжа, с тебя процент за рекламу).

Как-то позвонили ему, надо два окна в квартире поменять. На кухне и в комнате. Заказ хороший, окна недешёвые. Поехал замеры делать. Квартира как квартира, судя по запаху нафталина и пыльным углам, живёт в ней кто-то сильно в возрасте, но на замерах за хозяина дядька лет пятидесяти. Обсудили заказ, договорились о дате установки.

Через некоторое время приезжают с напарником уже с окнами. Дверь открывает бодрый дед в пиджаке с орденскими планками.

– Окна к вам? – спрашивает Сергей.

– Ко мне, ко мне, – кивает хозяин. – Дети подсустились, подарок на девятое мая приготовили. Заносите.

Сергей с напарником окна занесли, работать начали. Пока старые рамы демонтировали, осмотрелись неспешно. Повсюду по стенам портреты деда в мундирах и орденах, один даже маслом писанный. Да и квартира, несмотря на то, что старенькая и неухоженная, зато в центре, в добротном сталинском доме, под окнами метро. Видно, в своё время дед большим человеком был.

Первые часа два дед сутился. То водички принесёт, то чаю заварит, то покурит в дыру вместо форточки. Истории какие-то рассказывает, работой интересуется, участвует, в общем. Про детей расспросил, про работу, про образование. Посетовал, что доктора вместо лечения граждан окна устанавливают, мол, при Никите Сергеевиче, да при Леониде Ильиче такого отродясь не было. А уж при Иосифе-то Виссарионовиче и давно... Ещё через час устал, ушёл в другую комнату и затих. Серёжа пару раз его проверить ходил. Мало ли, разволновался старый человек от такого события, как ремонт оконный, может, с сердцем что приключилось, может, пора Скорую вызывать? Серёжа по основной профессии всё-таки доктор, человек гуманный.

Да всё в порядке вроде. Дед просто спит. Пульс ровный, дыхание ритмичное. Ну и не стали хозяина дёргать по пустякам. Одно окно поменяли, потом второе. Мусор подмели, в пакеты собрали, старые рамы в подъезд вынесли. Пора хозяина будить, чтобы работу принимал.

Заходят в комнату. Дед, как был в пиджаке с орденскими планками, так и полулежит в кресле, сопит да рулады носом выводит. Серёжа осторожно трогает его за плечо.

– Дед, а дед, принимай работу.

Хозяин приоткрывает мутные со сна глаза, непонимающе смотрит на работников и вдруг начинает истошно орать. Серёжу аж в коридор от крика вынесло.

– Дед, ты чего кричишь?

– Воры! Грабители! Убивают!

– Да кто ж тебя убивает? Мы окна тебе ставили!

– Какие окна, убивцы?! Я вас сейчас сам порешу, я в КГБ всю жизнь отработал! Где мой наган наградной?!

И по полкам шарить начинает, наган искать.

– Дед, да сын же твой окна заказал, ты ж нам сам помогал, чай приносил, истории рассказывал!

– Вы мне мозги не пудрите! – ревет дед. – Я вас сейчас к стенке.

А в дверь уже соседи стучат. Спрашивают, не вызвать ли милицию. Сергей с напарником и рады бы с квартиры сбежать, да инструмент повсюду разложен, бросать жалко. Да и кто знает, чем история потом обернётся. Законы в Беларуси такие, что сидеть потом долго придётся. Надо на месте разбираться. Пока дед наган искал, позвонили его сыну.

– Понятно, – отвечает тот. – Опять дед таблетки свои забросил. Вы там держитесь, я через полчаса буду.

А как держаться? В дверь уже взвод ОМОНа ломится, в комнате дед наган отыскал, теперь патроны ищет. Между двух зол выбрали меньшее – открыли дверь и милиции сдались. Положили их лицами в пыльный ковёр и разбираться начали. К счастью, факт замены окон был налицо, да и наряд на работу со всеми подписями и печатями служителей закона успокоил. А там и сын деда подоспел.

Долго потом извинялся, заплатил сверху прилично, наган у деда отобрал.

Серёжа с тех пор к окнам поостыл. Другое хобби себе нашёл. Преподаёт сейчас в медицинском университете. По сравнению с окнами – чепуха, конечно. Но обещают, как диссертацию защитит, сразу зарплату ему аж на пять процентов поднять. Заживёт тогда.

Полиглот

Поехали мы с женой как-то в соседнюю страну. В ту, где холодное море, песчаные дюны, сосны и вкусные драники, которые оценит даже коренной белорус. Погуляли по старинным узким улочкам города, проголодались и сели на террасе кафешки этих самых драников вкусить. Сидим, прохожих разглядываем, заказ ждём. И тут у жены телефон звонит. Работает она в международной транспортной компании. Вот заказчики и не дают покоя даже на выходных. Как всегда где-нибудь в Падуе застряла фура, а без Юльки они ничего решить не могут.

Жена уходит в мир транспортных перевозок, а я вдруг слышу за спиной что-то занудное по-английски. Поворачиваюсь. Стоит мужичок потрепанного вида и просит что-то, судя по интонации. А я английский в школе плохо учил. Лондон из зе кэпитал, это помню. И больше ни в зуб ногой. Под пытками спроси, чем Презент Континиус от Индефинита отличается – помру, но не скажу. А человеку, видимо, помощь нужна.

Тут заказчик по телефону Юльку достал, и она выдала ему длинную фразу на итальянском. Мужичок тут же почти без запинки переходит на итальянский. Тон у него не меняется, но на языке Адриано Челентано звучит жалобнее.

Жена делает страшные глаза и отворачивается. Я обращаюсь к мужичку.

– Слушай, дорогой, я и рад бы помочь, но не понимаю тебя.

Мужичок делает секундную паузу и тут же продолжает по-русски:

– Попал в тяжёлое положение, помогите Христа ради.

Дал я ему пару монеток. Мне языки так и не дались, а он вон как шпарит. Талант надо поддерживать.

Стоматологические ужасы

Я до дрожи в коленках боюсь стоматологов. И мне не стыдно, ничуть. Я так их боюсь, что после медучилища поступал на стоматологический факультет. Не поступил, ну и хорошо, а то мучился бы сейчас на нелюбимой работе. У меня есть несколько знакомых стоматологов, среди них милейшая девушка Ира, которая в жизни очень мне нравится, и если бы она не была женой моего друга, то я бы... Но стоит Ире надеть кошмарную маску и прозрачные защитные очки, склониться надо мной с орудием пыток в руке – стоматологическим буром, как душа моя уходит в пятки. Наши отношения пережили одну лёгкую пломбу. Больше я Иру так близко к себе не подпускаю.

Каждые полгода я смотрю на себя в зеркало и говорю:

– Ты ж мужы-ы-ык! Ты, блин, офицер! Ты ж руководитель! Не пиццать!

Это я себя настраиваю идти на профилактический осмотр к стоматологу. Там меня уже знают, поэтому готовят смирительную рубашку и общий наркоз. К стоматологу я хожу раз в полгода. Лучше предупредить очередную напасть, чем потом часами корячиться в кресле, обливаясь холодным потом, пока садистка с длинными ресницами чистит ваши каналы.

Короче, боюсь я стоматологов. Психологическая травма у меня. Спасибо отечественной медицине за наше подсознание. А было это в году 1997-м. Я – студент медицинского училища и санитар в небольшой районной больнице. На дворе тоскливый провинциальный конец девяностых. На улицах уже не стреляют, но новые кеды купить ещё не на что. Приходится зашивать старые. Стипендия, хоть и самая высокая, но копейки, зарплата санитаря – немного больше стипендии. Короче, денег нет.

А тут просыпаюсь я с утра и понимаю, что у меня болит зуб. Ну, поболит и перестанет, неправильно решил я и поехал на учебу. Занятия у нас проходили в городской поликлинике и начинались с того, что мы всей группой сидели и крутили какие-то ватные тампоны. Это сейчас всё одноразовое. А тогда санитарка тащила в стерилизационную огромный куль ваты, всё это там прожаривалось до слегка коричневого цвета, а потом студенты сидели и накручивали вату на гнутую алюминиевую проволоку. Медитативное занятие, скажу я вам. Я этих тампонов накрутил – вагон. И сейчас, спустя двадцать лет, ими, наверное, пользуются в той поликлинике.

Сижу, вату накручиваю, а зуб, гад, болит. Дёргает, ноет, мучает. О том, что у вас есть зубы, вы вспоминаете только тогда, когда они начинают вас беспокоить. Вот я и вспомнил по полной программе. Сижу, морщусь. Но терплю.

А тут мимо проходит старший лаборант Анна Александровна. Милейшая женщина. Мы для неё все были «девочки и мальчики». Поила полгруппы чаем в подсобке и старалась отпустить пораньше. Видит моё перекошенное лицо:

– Что случилось? Живот болит? Таблетку дать?

Ох уж мне эти медики со своей прямоотой. Я краснею. Одногоруппницы хором хихикают.

– Да не живот, а зуб, – ворчу я.

– Бедненький, – Анна Александровна сегодня решила меня добить, девчонки ползают по столу от смеха. – Так иди к Маринэ Теймуразовне, я позвоню, чтоб она тебя без очереди приняла.

– А кто такая Маринэ Теймуразовна? – осторожно интересуюсь я.

– Это заведующая нашей стоматологии. Очень хороший специалист, – улыбается Анна Александровна. – Две секунды – и будешь ты в порядке. Звонить?

А зуб, зараза, болит. И платный стоматолог стоит столько, что для меня это просто фантастическая сумма. Мне казалось, что дешевле квартиру у нас в райцентре купить, чем в платную клинику наведаться.

– Звоните, – говорю. А у самого уже коленки подрагивать начинают.

Анна Александровна позвонила. И радостно сообщает мне:

– Повезло. Она как раз сейчас не занята, чай пьёт. Примет тебя.

Лаборантка покопалась в глубинах стола, выудила оттуда шоколадку и протянула мне.

– Вот, отдашь стоматологу.

– Анна Александровна, – растерялся я.

– Бери, бери, – нахмурилась лаборантка. – А то я не знаю, какая у вас, дети, стипендия.

Вон, кеды рваные.

Ох, дались всем мои кеды. Да куплю я новые, куплю! Зарплату получу и куплю. Вот только долги раздам.

Пошёл. Близость стоматологического отделения ощутил по запаху. Знаете, такой непередаваемый запах боли, мучений, страданий и чего-то стоматологического. Если есть на том свете преисподняя, то там пахнет именно так. Стучусь в кабинет.

– Заходи, дорогой.

Судя по акценту – мне сюда. Робко толкаю дверь. Посреди кабинета – кресло пыток. Рядом – могучая женщина, мечта поэта. Рукава халата закатаны, открывают мускулистые руки, покрытые короткими чёрными волосками. На столике перед ней – набор орудий пыток на железном подносике и чашка с чаем.

– О, шоколадка, – радуется Маринэ Теймуразовна. – Как раз к чаю. Садись, сейчас посмотрим, что там у тебя.

Опускаюсь на скрипнувшее кресло и со страхом смотрю по сторонам. Зрелище тоскливое. Пол в мелкую бежевую плитку, которая от времени кажется грязноватой и полустёртой. Плитки темнели по-разному, получилась мозаика. Пятьдесят оттенков бежевого. Возле умывальника в углу потёки ржавчины, штукатурка в трещинах, щели под оконными рамами забиты ватой и газетами. Родная районная поликлиника. До сих пор в кошмарах снится.

Маринэ Теймуразовна допила чай и повернулась ко мне.

– Открывай рот.

Я отлично понимаю чувства гладиатора, впервые выходящего из тени коридора под палящее солнце арены. С таким же чувством я открыл рот.

Стоматолог поковырялась у меня в душе острыми предметами, звякнула чем-то на подносе.

– Э-э, дорогой. Запустил ты зуб. Я тебе сейчас мышьяк положу. Нерв убьём. А через дня четыре придёшь – каналы чистить будем. Потерпи, ты же мужчина.

И взвизгнула бормашина.

Первый этап я перетерпел. Мне положили на зуб какую-то гадость, от которой я потом три дня не спал. Зуб сопротивлялся, не хотел умирать. Челюсть дёргалось. Анальгин спасал плохо. Выпил водки – лучше не стало, ещё и голова с утра болела. Через четыре дня я снова пришёл к своей мучительнице.

– А, дорогой, заходи! – искренне обрадовалась мне Маринэ Теймуразовна. – Показывай.

Снова на арену!

– Ага, ну хорошо. Слушай, у меня обезболивающее кончается. Но ты же мужчина, потерпишь? – склоняется надо мной Маринэ.

Не потерплю! Во мне кто-то предупреждающе вопит. Но признаться в этом стыдно и я едва заметно киваю.

– Вот и хорошо! – одними глазами улыбается стоматолог.

Дальше я помню плохо. Милосердный мозг стёр из ячеек памяти эти ужасы. Я вцепился в подлокотники кресла так, что потом болели пальцы. Холодный пот пропитал майку на спине. Маринэ Теймуразовна с любопытством что-то расковыривала, потом дёрнула.

– Смотри!

А что смотреть? У меня глаза закрыты, чтоб не видеть всего этого кошмара.

– Смотри, говорю.

С трудом разлепляю веки. В пинцете зажата тонкая красная нитка.

– Вот, это нерв. Я его тебе удалила. Теперь не больно будет. Оказалось, у тебя в этом зубе два нерва. Один не умер. Ну ничего. Теперь каналы почистим и всё.

Я вытерпел два канала. На третьем мне стало хорошо, ангелы запели в моих ушах. И только ватка, пропитанная нашатырём, которую Маринэ ткнула мне под нос, вернула на грешную землю.

– Э, дорогой. Ты мне тут прекрати. Один канал остался, – нахмурилась доктор.

И я вытерпел ещё один канал. Вышел из кабинета стоматолога с перекошенным лицом, на подгибающихся ногах, Сил идти дальше не было. Я присел на скамеечку прямо у дверей, упёрся спиной в стену и прикрыл глаза. Стена через пропитанную потом майку неприятно холодила спину. Я клялся, что буду теперь чистить зубы три раза в день, по полчаса минимум.

Обещание выполнил. Но через три дня совершенно про него забыл. Маринэ Теймуразовна оказалась действительно хорошим специалистом. Её пломба выпала почти через пятнадцать лет вместе с осколками зуба.

А через десять лет после свидания с грузинским стоматологом у меня снова заболел зуб. Я был уже взрослый товарищ, окончил медицинский университет, поэтому терпел всего неделю. А когда терпеть стало невозможно, собрал остатки зарплаты и пошёл в платную клинику.

Вижу – сидит молодая рыжая девчонка. Симпатичная, даже под маской видно.

– Садитесь, – говорит.

Сделали мне снимок, посмотрели.

– Надо, – говорит, – каналы чистить.

Я сразу Маринэ Теймуразовну вспомнил. И заранее в обморок упал.

– Мышьяк будете закладывать? На неделю?

– Это каменный век, – морщится девушка. – Мы вам сейчас обезболим и минут за двадцать всё сделаем.

Побрызгала лидокаином, потом в уже обезболенную десну мягко кольнула шприцом.

– Всё хорошо?

Конечно, всё хорошо. Я же ничего не чувствую. Челюсть онемела до самых пяток. Только страшно, блин. Я моргаю.

– Вот и замечательно. Начнём.

Бормашина взвизгнула и тут дверь открылась и в кабинет зашла точная копия моего доктора. Такая же рыженькая и симпатичная.

– О, Наташка, привет, – обрадовалась доктор. – У тебя пациентов нет?

– Нет, – говорит Наташка. – Вот пришла к тебе, а то скучно.

– Садись, поболтаем, – доктор глянула в мои ошалевшие глаза. – Да близнецы мы, близнецы. Все удивляются. Рот открывайте.

У вас когда-нибудь были эротические фантазии на тему двух девушек-близняшек? Вот у меня с тех пор их нет. Потому что стоматология, особенно под лошадиной дозой обезболивающего да в присутствии двух мило воркующих рыженьких нимфеток, это почти секс. Я лежал и получал физическое удовольствие, от того, что мне не больно. Ну почти не больно. Я теперь отлично понимаю жертв Кристиана Грея.

Ехал потом в метро, из уголка рта слюни текут, лица не чувствую, но улыбаюсь, как идиот. Люди отсаживались от меня подальше.

А Маринэ Теймуразовне спасибо. Она отличный специалист.

А стоматологов я всё равно боюсь.

Школьный боевик

Прочитал недавно в новостях, что учителям в школах Флориды разрешат носить с собой оружие. Для защиты школьников от террористов и преступников, а заодно от учеников, которые могут устроить очередную бойню. А под статьёй десятки комментариев, мол, довёл Трамп Америку, и школьники там сумасшедшие, расстреливают товарищей, и без вооружённой охраны школам никуда. Короче, загнивает Запад полным ходом, у нас бы такое ни за что не случилось.

А я помню, как в 1986-м году не в далёкой Америке, а в тихом белорусском городке в мою школу пришёл вот такой киллер. Автомат или пистолет он тогда не достал, но вооружился чем смог.

Учился я во втором классе и занятия наши проходили на первом этаже, в отдельном коридоре, отгороженном от остальной школы стеклянной дверью. В той же школе учился мой сосед Мишка, парень старше меня лет на шесть, а поэтому авторитет непререкаемый. Ввиду отсутствия отца и старшего брата – образец для подражания и кумир. Спортсмен, пионер, заводила.

Кто в свои тринадцать поделился со мной первой сигаретой? Мишка. С кем мы подожгли деревянный заброшенный сарайчик? С ним же. Кто выломал окно подвала, чтоб детсадовцы могли играть там в «Детей подземелья»? Мишка. Кто научил меня ловить верёвочной петлёй голубей? Ладно, не помню, но мне кажется, что без него и тут не обошлось. Вела нас дорога приключений. Из нашего тандема, по мнению моей матери, не могло получиться ничего хорошего.

А в одном классе с Мишкой учился мальчик Гриша. Молчун и тихоня, замкнутый и слегка не от мира сего. Короче, готовая жертва. Чем одноклассники и воспользовались.

Положа руку на сердце, стоит признать, что Мишка-таки был хулиган и задира. Учился не очень, спортом занимался много, да всё больше теми видами, где по голове сильно бьют. Однако Гришу он особо не обижал. Это была для него слишком мелкая рыба. Он ведь лидер класса. Ему по рангу не положено. У Гриши была парочка постоянных обидчиков. Фантазией те не отличались. То книги разбросают, то в портфель воды нальют, то на спину бумажку приклеят: «Пни меня». Ну и обзывания всякие, прозвища обидные. Классика.

Гриша терпел. На обидные прозвища огрызался, молча собирал книги, выливал воду из портфеля. Жаловался учителям. Обидчиков пару раз вызывали к директору, но это когда-нибудь помогало?

А как-то по весне сидели восьмиклассники в кабинете химии. Скучали в ожидании окончания лабораторной работы, смотрели в окно, на пробуждающуюся природу. И вот от этой скуки обидчики решили над Гришей поиздеваться. Учительница как раз за чем-то вышла, а два малолетних дебила набрали в банку воды, да и плеснули Грише на школьные брюки.

Девчонки хихикают, обидчики довольны. А Мишка возьми и ляпни:

– Ты, Гриша, до восьмого класса доучился, а штаны намочил, как в детском саду.

И ведь не со зла ляпнул, пошутить решил, перед девчонками выпендриться и ситуацию сгладить. Но для Гриши это стало последней каплей. Как потом оказалось, имелись у него проблемы в психической сфере, а тут весна, обострение. Ещё и Мишка со своей глупой шуткой.

Гриша встал, пнул портфель и ушёл под гогот одноклассников.

Ну ушёл и ушёл. Удивило это только вернувшуюся учительницу, которая отметила в журнале отсутствие ученика.

А ушёл Гриша не просто так. Вернулся домой, достал из шкафчика на кухне топорик для рубки мяса (был такой в каждой уважающей себя советской семье), заткнул за пояс полдюжину ножей разных размеров, захватил молоток и пошёл Мишку убивать.

Наверное, не стало бы у меня в тот день соседа. Затаился бы Гриша в засаде и рубанул с плеча. К счастью, вооружённого до зубов ученика заприметила бабушка-вахтёрша с первого этажа школы. Прямо с вахты позвонила директору. А тот видно в курсе был Гришиных проблем, потому что по внутришкольному радио объявил в школе панику.

Учителя сработали слаженно. Учеников мигом разогнали по классам, двери завалили партами и прочей мебелью, закрыли на ключ, подпёрли швабрами, забаррикадировали, как могли.

Нас, второклашек, заперли в отдельном коридоре. Учительница держала оборону возле стеклянной двери. Если бы Гриша рванул в наш коридор, она вряд ли бы устояла. Но начальники классы мститель проигнорировал и напрямик направился убивать обидчика.

В кабинете химии уже никого не было. Урок давно закончился. Киллер с досады расколотил окна молотком, прошёлся по лабораторной посуде, досталось портрету Менделеева и его знаменитой таблице, которую искренне ненавидит уже не одно поколение школьников. Ворвался в лаборантскую, захватил бутылку с серной кислотой. Прибавил её к своему арсеналу.

А Мишка всю суматоху пропустил. Курил за забором школы с корешами. Вернулся перед уроком, а коридоры пустые, классы заперты. Школа будто вымерла. Война что ли?

И тут в другом конце коридора показался Гриша. Увидел обидчика, заорал, поднимая над головой топор. Мишка соображал быстро, а бегал ещё быстрее. Поэтому следующие полчаса держал запыхавшегося киллера на расстоянии от своего драгоценного организма. Бегал от него по коридорам, ещё и орать что-то провоцирующее не забывал.

Гриша выдохся. Был он парнем неспортивным, слабым здоровьем. Устал. Бутылку с кислотой разбил, нож потерял. А обидчик маячит перед носом, недостижимый. Обидно.

Между тем на телефонный звонок испуганного директора в школу примчалась небывалая сила – два милиционера на жигулях с мигалкой. Переговоры с террористом вести не стали. Выловили в одном из коридоров, с размаху дали дубинкой в лоб и разоружили.

Потом, конечно, был скандал. Мишку исключили из пионерской организации, Гришу выперли в школу для «особенных» детей. А вот основные обидчики аутсайдера отделались лёгким испугом. Кстати, основное отличие от современной школы. За этот инцидент не уволили директора, никто из преподавателей не пострадал, даже с химички премию не сняли.

Так что теперь, когда я смотрю по телевизору про очередной расстрел в американской школе, вспоминаю топот ног одинокого подростка по коридорам, тень с топором на хрупкой стеклянной двери, испуганную толпу первоклашек и то, как молилась юная учительница начальных классов, комсомолка и атеистка до того памятного весеннего дня 1986-го года.

Синие цветы

Отец умер так внезапно, что Катя и на похороны не успела. Пока древние старушки-соседки отыскиали её телефон, пока начальник решал отпустить ли её с работы в самом начале сезона заказов, пока билеты на поезд покупали. Приехали, когда отца уже опустили в яму на окраине сельского кладбища. И даже торопливая осенняя травка на холмике пробиться успела.

Катя поплакала над свежим крестом, пахнувшим сосновой стружкой. Витька стоял в стороне, скучал. Но приличия соблюдал. Тестя он видел редко, поэтому сейчас ничего, кроме этой самой скуки, не чувствовал. Походил вдоль ограды, почитал имена на соседних надгробиях. Заметил интересную закономерность. В деревне жила когда-то большая семья. На половине сельских надгробий стояла одна и та же фамилия «Дубина». Причём на старых, замшелых надгробиях, тех, что установлены до 1939-го, фамилия писалась «Дубино». Потом пришли русские, выдали документы. Советский чиновник-паспортист то ли перепутал, то ли нарочно перекроил «ДубинО» в «ДубинА».

– Кать, пошли что ли?

Катя встала, утёрла слёзы платком, отряхнула юбку.

– Пошли.

Молча поднялись по косогору. Витька сопел и ворчал насчёт машины. Он непременно хотел приехать в деревню на машине, показаться незнакомым местным, похвастаться. Но Катя уже взяла билеты на поезд и муж неохотно уступил.

Шли по знакомой с детства тропинке, мимо избы тётки Марфы, у которой была корова, куда каждое утро бегали за молоком.

– Катя, к тётке Марфе!

Хватаешь авоську, мокрую скрипящую трёхлитровую банку, только что помытую матерью. Бежишь сквозь крапиву, и она жжёт босые ноги. А тётка Марфа уже подоила, достаёт застиранную марлю, метко льёт из ведра в банку. И отдельно наливает в стакан.

– Попей, Катенька. Полезно парное.

Молоко пахнет коровой, пузырится. Катя закрывает глаза и одним махом осушает стакан. Вытирает молочные усы. Тётка Марфа смеётся. Своих детей ей Бог не дал, вот и стоит теперь её избушка пустая, тёмная, покосившаяся. Крапива в рост человеческий вымахала, окна закрывает, на огороде, когда-то аккуратном и прополотом, – бурьян да лопухи. А сама тётка Марфа где-то там, на погосте, там же, где теперь и отец.

Дом колхозного сторожа дяди Григория. Тоже слепой, почерневший. Крыша провалилась. Дядя Григорий энтузиаст был. Ездил по стране, привозил в свой сад какие-то диковинные саженцы, переписывался с садоводами из Прибалтики, Средней Азии. Росли у него южные персики, виноград, в парнике желтыми мячами лежали дыни, а уж после таких чудес редкостные яблоки-груши и разговора не стоили. Даже как-то корреспондент приезжал районной газеты, заметку про дядю Григория писал. «Мичурин из села Н.». Так себе фантазия у корреспондента, недолго думал над названием.

По осени дядя Григорий ведрами выставлял урожай за ворота – берите, кто хотите. И детвора со всего села сбегалась трескать эти огромные сладкие яблоки, хотя у самих под окнами яблони до земли клонились. Сейчас и следа не осталось от этого чудесного сада. Торчит из бурьяна какая-то кривая сухостоина, да гниют на земле поваленные ветром яблоневые стволы.

Дом тёти Светланы. Заколоченный, но подкрашенный, забор целый. Дочка тёти Светланы, схоронив мать, продала дом каким-то дачникам. Те первым делом сбросили со столба аистиное гнездо. Мол, от птиц мусора много, шума, весь двор загадили. Аисты гнездились у

тёти Светланы лет пятьдесят. Прилетали каждую весну из чужой Африки, радостно шёлкали клювами, танцевали. Катя маленькая вместе с дочкой Светланы бросали им хлебные корки. Аисты из вежливости брали.

Когда гнездо разрушили, тоже прилетали. Постояли, глядя на разорённый свой дом, и улетели. Унесли прочь счастье.

Вот и родительский дом. Над кустами одичавшей сирени торчит серая шиферная крыша с высокой трубой. Катя даже приостановилась, не решаясь сделать следующий шаг.

Сколько не была здесь? Стыдно сказать. Года четыре точно. Всё как-то не хватало времени. Зимой думала: «Вот лето наступит и поеду». А летом – отпуск. Витька доставал путёвки в Египет или Турцию. Ехали. Потом надо было отрабатывать потраченные у моря деньги, входить в колею размеренной рабочей жизни.

Отец звонил раз в неделю. Дежурно отвечала, что всё хорошо. Работаю, устаю. Отец жалел, звал. Обещала, но так и не приехала.

Катя сжала зубы и шагнула. Присмотрелась – и ахнула. Защемило сердце, слёзы снова подступили к глазам. На стене дома распускались огромные и причудливые цветы синего цвета.

Ей было лет семь или восемь, ещё мама была жива, и бабушка тоже. В то лето, последнее по-настоящему тёплое и счастливое, отец достал синей краски и решил расписать стену цветами.

– Помогай, Катька!

И Катя помогала. Извозилась вся в синей краске, оставила на стене множество отпечатков маленькой пятерни. Мать принялась было ворчать, что пропал сарафан, не отстирать теперь. Но потом сама включилась в забаву. Увлеклась. И уже сама, улыбаясь, размазывала по одежде неряшливые пятна.

Если честно, отец рисовал не очень умело. Цветы у него получались кривоватые, каждый сам по себе. Зато от души. Прищурившись, с видимым удовольствием клал каждый мазок, смело закручивал завитушки стеблей. До вечера справились, сели чай пить и на стену смотреть. Этот чай Катя на всю жизнь запомнила. И стеклянную чашечку с вареньем из крыжовника. Целый куст этого крыжовника рос в углу палисадника. Ягоды мелкие, кислые, зелёные. Ветки злые, колючие. А варенье получалось отменное. Сидели, пили чай маленькими глоточками, разговаривали о пустяках. И хотелось тогда Кате, чтоб чай этот никогда не кончался.

Синие цветы отцу понравились. Он собирался каждое лето подновлять рисунок, стертый осенними дождями и зимними метелями. Но в мае следующего года умерла бабушка. А потом тяжело и надолго заболела мама. Цветы бледнели, стирались. Года три были видны их контуры, выведенные особенно тщательно. Тени прежних рисунков, бледные призраки их семейного счастья.

И вот они снова на месте. Такие же яркие и пёстрые. Руки отца подводили, глаз уже не был таким верным. Получилось ещё кривее, ещё нелепее, чем в первый раз. Или это взгляд у Кати стал другой. Взрослый.

После смерти матери отец крепился. Всё шутил, из кожи вон лез, чтоб убедить Катю, да и себя тоже, что они справятся, всё у них будет хорошо. Да только получалось у него не очень. Фальшиво как-то. Катя помнила тоскливые новогодние ночи у огромной, наряженной ёлки, когда отец созывал полный дом гостей и натужно веселился. И она делала вид, что ей тоже весело. А он делал вид, что верит. Так и обманывали друг друга год за годом.

Отец держался. Сколько Катя помнила, не пил, женщин в дом не водил, по вечерам с телевизором не пропадал. Участвовал в её жизни как мог, игры какие-то придумывал, уроки помогал делать, пытался заводить неуклюжие взрослые разговоры, которые смущали обоих. Сорвался только один раз. Уже лет пять прошло со смерти матери, как объявился её брат, дядя Серёжа. Личность легендарная, мифическая. Катя иногда и верить в его существование переставала. А иногда верила, как в Деда Мороза. Как этот самый дед дядя Серёжа напоминал о

себе раз в году. То пришлёт откуда-то с другого конца света открытку с Че Геварой, то принесут посылку, а в ней осколки огромной розовой раковины, обложенные ватой. Работу деревенской почты раковина не перенесла, но и осколки были очень красивыми. И пахли далёким, чужим океаном.

И вот этот дядя Серёжа, про которого все забыли, вдруг объявился. Прислал телеграмму: «Людка, лечу домой, встречайте на вокзале в четверг, в 15.00. Везу вам с Катькой сюрпризы». Отец телеграмму получил, прочитал и тут же у порога осел. Почтальонша тётя Надя заохала, побежала к колодцу за водой. На отце лица не было. А дядя Серёжа ведь не со зла. Просто за всеми этими хлопотами отец забыл, что у покойной жены где-то там в Америках-Австралиях брат живёт.

Встречать поехали. Потом дядя Серёжа с отцом целый вечер пили. Пили молча, страшно, не чувствуя вкуса, опрокидывали в себя стаканами что-то драгоценное из красивой бутылки. Бутылка быстро кончилась – пошли к бабке-самогонщице. Опять пили. Утром дядя Серёжа уехал, хотя до следующего корабля у него целый месяц был. И никогда больше не приезжал, и не приходили от него подарки. Может, ему так легче было, а может, его в Африке крокодил съел.

Едва окончив школу, Катя выскочила замуж за Витьку. Поехала в сентябре в город поступать в швейное училище. Поступила, чего там было поступать-то. Диктант на пятёрку написала, считай, прошла по конкурсу. За этот диктант половина абитуриентов двойки получили. Спасибо учительше Наталье Степановне, что строгой была и придиралась.

Сели отмечать в общежитии с новыми однокурсниками-однокурсницами. Ну и вы знаете, как это бывает.

Витька наутро пошутил ещё:

– Я теперь, как честный человек, должен...

И всё такое. Ладно хоть так. Любви особой у Кати к Витьке не было. Стыдно за вчерашнее. Не знала, как отцу скажет, как в глаза ему посмотрит.

Отец браку противиться не стал, хоть было заметно, что Витька ему не понравился. Не понравился в первую очередь тем, что сразу же увозил Катю за тридевять земель. У него где-то на Севере работали родители и звали к себе, в тундру и вечную мерзлоту.

Кое-как училище окончила. Поехали.

Жили... никак. И счастья большого не было, и несчастьем не назовёшь. Витька быстро отрастил пузо, второй подбородок, подрастерял весёлость, зато приобрел привычку полеживать вечером на диване. Да ещё лицом покраснел – обморозился как-то в ноябре.

На северные деньги купили в городе квартиру. Катя шила в ателье. Витька слесарничал в автомастерской. Жили небедно. Чего не хватало, Катя и сама не знала. Может, детей? Ну бывает, не дал Бог потомства. Витька особо и не переживал, у него двоюродных племянников-племянниц с десятков. Насмотрится на детские слёзы-сопли и сам себе позавидует, что дома тишина. Он и сам у своих родителей единственный был. Конкурентов в родительской ласке не имелось, всё ему досталось. Поэтому о детях не заговаривал. Нет и нет. Квартира, вот, есть, машина имеется, жена работающая, не дура, не уродина. Оно и хорошо. Телевизор бы ещё побольше купить, но это уже в следующем году.

Катя не то чтобы смирилась. Привыкла. У подружек всё плохо. Разводы-алименты, мужья пьют, кое-кто и руку поднимает. А Витька если и выпьет, то в воскресенье, да дома под закуску. Покраснеет ещё больше, на полчаса станет прежним, весёлым, болтливым. А потом валится на диван и храпит. А поутру мается изгой.

Подружки ей завидовали. Катя и сама иногда думала, что Бога гневит. Тоскливо? Так тоскливо, не значит плохо. Почти убедила себя.

И тут звонок. И эти синие цветы, распустившиеся на стене как в детстве. И вина. За то, что уже не вернуть. За то, что некому уже прощать.

Катя опустилась на ветхую скамейку у родительского крыльца. Слезы душили.

Витька гремел чем-то внутри, ходил, открывая двери, лазил в подпол.

Вышел деловой, собранный.

– А что, хороший дом! – муж по-хозяйски хлопнул ладонью по стене и Катю вдруг поколебил этот его жест.

– Можно под дачу, – продолжил Витька. – Или продать. Тысяч пять дадут, не меньше. Только крышу подлатать, да пошлятину эту закрасить.

И он ткнул пальцем в цветы.

– Не трогай! – неожиданно резко и зло крикнула Катя.

Витька отдернул руку, как от огня.

– Ты чего?

– Ничего! – сквозь зубы процедила Катя. – Пошлятина! Что ты понимаешь?!

Развернулась и пошла прочь. Витька с удивлением посмотрел ей вслед.

– Правильно говорят, нету у бабы мозгов.

Пожал плечами и полез обратно в подпол. Смотреть, не подтапливает ли по весне.

Юность в подъезде, или Когда-то я был гопником

На дворе стоял 1995 год. Я носил причёску под бокс, спортивные штаны «АдиБас» с рынка, черные классические туфли и белые носки. Если бы я сейчас встретил на улице такого красавца, то, наверное, рассмеялся бы. А тогда – ничего, мода такая в нашем городке.

Башню мне сорвало всего полгода назад. До этого я тусовался с неформалами, любил чёрные майки с непонятными надписями, тяжёлую музыку, отращивал волосы до плеч. Воевал в рыцарском ордене нашего города, даже успел поучаствовать в штурме потешной крепостицы.

За одну неделю что-то перевернулось. «Металлика» и «Си-Диси» перестали нравиться, волосы я оставил в ближайшей парикмахерской. Посидел пару вечеров дома – скучно. Бабушка по телеку смотрит какую-то муть, а когда начинаются нормальные фильмы на местном кабельном, тут же выключает. Мол, там кровища и разврат. Зачем тогда кабельное подключили и каждый месяц за него платим?

К исходу третьего дня я совсем извёлся, вышел на улицу и отправился искать компанию. У соседнего дома на спинках скамейки сидели парни из моей школы – Лёшка и Игорь.

– О, Пашка, здорово! Ты куда?

– Да так, шляюсь.

– Курить есть?

– Я же не курю.

– А-а, точно. Ты ж спортсмен. Тогда расскажи чего.

Я присел на спинку скамейки рядом с ними. И остался. Потом подошли Светка с Алесей, Толик, Малой. А за ними и остальная компа. Посидели, поболтали.

На следующий вечер я опять пошёл. Бабушка заволновалась:

– Что-то от тебя сигаретами пахнет. Ты не куришь?

– Да ты чего, баб? Я в лифте ехал, там какой-то мужик накурил. Вот запах и впитался.

Какой лифт, у нас же первый этаж! Но бабушка поверила. Или сделала вид, что поверила.

Через неделю я был на скамейке уже своим. Знал все приколы, историю отношений. Компания расступилась, чтобы принять меня в свои ряды. И сомкнулась снова. А длинные волосы, черные майки и «Металлика» остались где-то снаружи.

Интернета тогда особо не было, поэтому мы собирались на скамейках, а когда становилось холодно – в подъездах между вторым и третьим этажом (между первым и вторым был люк мусоропровода – воняло, да и жильцы с ведрами помоев могли нагрязнеть). Сидели, пили пиво или недорогое плодово-ягодное вино, а если удавалось достать, то и чего покрепче. Неумело тискали девчонок.

Будущее виделось простым и безоблачным. После школы на выбор два училища. Если повезёт, то 89-е, от нефтехимического завода. Если не повезёт, 28-е от строителей. Были сумасшедшие вроде меня, которые планировали попасть в другие учебки, в Военную академию, к примеру, но это скорее исключение. Училища – кузница кадров нашего города.

Отцы моих приятелей тоже заканчивали одно из училищ и трудились в той или иной сфере. «Заколачивали» неплохие деньги и другого будущего своим потомкам не желали. Лет двадцать назад они были такими же гопниками, только с уклоном в комсомол и марксизм-ленинизм. Поэтому не видели ничего плохого в наших посиделках. Ещё и денег на сигареты подкидывали.

И их отцы, наверное, тоже так сидели. Хотя нет. Их отцы строили этот город, завод и подъезды. И детей плодили, чтоб было кому в этих подъездах сидеть.

Подъезд – отдельная тема. Это крыша над головой, теплая батарея. Это сухо, когда на улице дождь или снег. Это место, в котором нельзя плевать под ноги, сорить семечками, потому что если жильцы разозлятся, то выгонят нафиг и ищи тогда новое пристанище.

Ещё он должен располагаться близко от места жительства каждого участника компании. И путь к нему не должен проходить через территории враждебных групп. Целая наука. Подъезд искали долго. Оседали в нем крепко. Притаскивали какую-то сломанную мебель, даже коврики. Меняли место неохотно. Только в экстренных случаях.

Бесились как-то в этом самом подъезде. Подростки, энергии много, девать некуда, ещё и пиво ударило по мозгам неокрепшим. Толика обуяла страсть, и он носился за Светкой с недвусмысленными намерениями. Светка с визгом и хохотом убегала. Носились минут пять, наступая всем на ноги и толкаясь. Толик, неуклюжий идиот, повернулся как-то не так, взмахнул рукой, пытаясь ухватить Светку за осветленные космы, и выбил локтем стекло. Ну вот где мозг у человека? Мы потом в этот обжитый подъезд месяц не показывались. А там так удобно было: большая батарея у стены, можно и посидеть, и пятую точку погреть, если за окном холодрыга.

Скитались из-за Толика и Светки по углам чужим, по серым подворотням да неуютным подвалам. Потом набрались храбрости и пришли «домой». От стекла даже осколков не осталось. В дыру ветер задувает, подоконник весь мокрый.

– Видишь, что ты натворил, – ворчит на Толика Игорь. – Башкой бы тебя в это окно.

Только уселись, пиво открыли, открывается дверь на втором этаже. Выскакивает мужик и хватя Лёшку за шиворот. Остальные врассыпную.

Мужик спрашивает:

– Вы стекло выбили?

– Что вы, дяденька! – Лешка включает жалобный режим. – Это не мы! Нас тут вообще не было.

– Да как же не было, вы тут раньше каждый вечер заседали, а как стекло полетело, так вас и след простыл!

Потрепал Лёшку для виду, потом вытащил из коридора лист фанеры и заставил вставлять вместо стекла. Мы в этот подъезд больше не совались. А Лёшка дождался вечера и собственноручно прибитую фанеру выломал. Раскрошил на мелкие куски. Просто так, из анархических побуждений.

Мы были гопниками. Не совсем классическими, потому что привычного «гоп-стопа» с вечными вопросами: «мелочь есть? А если найду?» не практиковали. Лёшка с Толиком практиковали, но только когда на пиво не хватало, и в отрыве от общего коллектива. А чтоб массово, да постоянно – нет, это не к нам.

В остальном образы были идеальными. Короткие стрижки, в кассетнике – попса вперемежку с блатняком. Пиво, ленивые разговоры ни о чём. Летом и весной – «квадрат» во дворе, зимой – карты. Песни вполголоса. Но это так, после третьей бутылки пива.

Лешка выучил три аккорда и изгалялся на раздолбанной, не знавшей настройки гитаре.

– Витька любит сало, дайте ему сало...

Гениальная песня собственного сочинения. Всего две строки, но сколько души. Я потом по радио слушал хиты, так в них иногда было меньше смысла. И главное, можно подобрать под любого слушателя.

– Пашка любит сало, дайте ему сало, – это он лично мне спел. Душевно.

В период тотального дефицита сахара, бабушка где-то достала целый мешок сахарозаменителя для диабетиков. Белые колючие шары. Твёрдые – зубы сломаешь. И на вкус гадость редкостная.

Целый год мы с этими шариками пили чай, грызли вместо конфет. Я ненавидел привкус этого сахарозаменителя, но не мог оторваться, как от семечек. Бабушка расфасовала мешок по разнокалиберным полиэтиленовым мешочкам, мешочки эти рвались и шарики рассыпались по полу и шкафчикам. Они валялись по всем буфетам и полкам, прокрадывались в холодильник, находились в посуде и духовке. Годы спустя они ещё попадались в бабушкиной квартире в самых неожиданных местах. Последний я выбросил, когда делал капитальный ремонт. С обдиранием обоев, выламыванием плитусов, заменой пола.

А через год нашёл белый колючий шарик в батарее. Когда я красил эту батарею, шарика там не было.

Так вот, я эти шарики таскал в карманах, приносил в подъезд. Грызли всей толпой. Плевались, а грызли. Потом родители Толика привезли из деревни огромный мешок семечек и нас отпустило.

Вечный круговорот отношений. Сегодня Светка с Игорем. Назавтра они поругались из-за того, что она выцыганила последнюю сигарету, не оставила Игорю даже затяжки. Поорали друг на друга и Светка ушла к Лёшке. Вечером Игорь с Лёшкой подрались. Светка обозвала всех придурками и ушла домой, уроки делать.

На следующий день явилась и не может определиться, вернулась она к Игорю или уже с Лёшкой мутит. А парни страдают, стараются на неё не смотреть, мрачно затягиваются сигаретами.

Был бы среди нас Шекспир, замутил бы историю почище «Ромео и Джульетты». Лёшка, к примеру, сочиняет отличные байки. Просто на ходу выдаёт такое, что не знаешь, верить ли или заранее смеяться начинать. Он бы смог. Но писать не любит. В слове из трех букв делает четыре ошибки, по русскому – стабильное «два» в четверти. Некому увековечить историю Светки и её поклонников.

А ещё в нашем дворе жили две сестрицы Катя и Маша. Катя старшая, ей к тому времени было лет 17–18, Маше едва исполнилось 15. Естественно, Катя считала себя намного старше, мудрее, ну и всячески Машу гоняла. Особенно в амурных делах. А ещё у Кати была подружка-врагиня Ленка. Как это принято у девушек, в глаза они чуть не целовались, а за спиной Катя Ленку осуждала за связь со взрослым тридцатилетним мужчиной.

– Представляете, – с возмущением рассказывала она нам. – Сидим на кухне, на гитаре играем. А этот заходит: «Что играете? Окуджаву?» Представляете? Окуджаву? Да он динозавр! Человек другого поколения! Что она с таким старпёром делать будет?

Мы киваем. Катка для нас авторитет. Она школу бросила, швейное училище бросила. Торгует сейчас на рынке колготками. Зарабатывает прилично. Жизнь удалась.

Город делился на районы. В каждом районе своя молодёжная банда. Не то, что мы, эти числились настоящими гопниками. С общаком и жизнью по понятиям. Наш двор – на тревожной пограничной территории. Между «шараями» и «барбосами». Спорные кварталы, пустынный участок постоянных стычек. Рейнджеры, кактусы и перекати-поле. А мы то ли в виде сторонних наблюдателей – индейцев, то ли в виде падальщиков-койотов.

Дом наш примыкал к задней стенке кинотеатра «Минск» – извечного места дискотек «барбосов». Так что мы вроде числились барбосовскими. Гопники из «старшей» банды иногда достаивали разговором. Стреляли сигареты и делились произведениями устного народного творчества. На Диком Западе рассказывали о Поле Баньяне и Всаднике без головы. У нас во дворе рассказывали о Воване – Первом Барбосе. Я потом искал истории об этом человеке в интернете. Не нашёл. Жаль, красивые были байки.

«Шарай» тоже иногда заглядывали, но относились враждебно. Могли и по шее дать. Поэтому их тут не любили. Но были и те, кого не любили ещё больше. Дети кавказцев с рынка. Их набралось не то чтобы много, но они отличались какой-то организованностью. Если цепляли одного – мигом прибежали все остальные. А ещё они массово тренировались в местном бойцовском клубе.

Приходит как-то вечером в подъезд Толик. Задумчивый такой. Лицо такое странное. Толик – задумчивый? Такого отродясь не было.

– Чего ты? – спрашиваем.

– Есть такое слово – дилемма, – бормочет Толик.

– Ну ты дал! Умничаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.